

У.С. ГРОМОВА (Валеева)

Записки русской крестьянки

Алтай 1962

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКТОРА

Моя мать родилась в Сибири, в селе Березовка, в предгорьях Алтая через 9 лет после переезда родителей из Воронежской губернии. Её прабабушка с прадедушкой были крепостными. Бабушка рассказывала, что помещик был большой любитель охоты с собаками. Чтобы вырастить высокопородистых щенят здоровыми, помещик обязывал крестьянок с грудным ребенком одной грудью кормить своего ребенка, а другой щенка. Крестьянам эта прихоть не нравилась, а в революцию они посчитались со всем этим барским отродьем. Поэтому становится ясно, почему такие зажиточные крестьяне, как её отец и братья безоговорочно воевали на стороне красных. Они тогда еще не знали, что придется отцу плакать горькими слезами, видя как вчерашие батраки запрягали в плуг его чистокровных орловских рысаков, обобществленных при коллективизации.

Мать была малограмотной, только посещала курсы «ликбеза» после революции. По моей просьбе она описывала свою жизнь такой, какой она ей запомнилась. «А с чего начать?» - спросила она. - «Начинай с того, что запомнилось с детства.» Моё редактирование заключалось только в более понятном изложении того, что она написала. От себя я никаких правок в суть изложенного не вносил, за исключением этиграфа и разделения на отдельные рассказы.

А.Г.Громов

На фотографии слева направо: стоят: Громов Василий Герасимович (старший сын); Громов Герасим Дмитриевич (муж); Громов Александр Герасимович (младший сын); сидят: Громова Любовь Васильевна (жена Василия Герасимовича); Громова (в девичестве Валиева) Ульяна Степановна; Дорохова (в девичестве Громова) Вера Герасимовна (дочь).

Доля ты! - русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.
Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Н.А.Некрасов

ПЕРВЫЕ СЛЕЗЫ

Первое, что запомнилось мне - было первое мое горе. Играли мы с сестрицей Анютой на завалинке, и я нечаянно запорошила ей глаза пылью. Она - в крик, а бабушка давай меня пороть. Было мне, наверное, три года, а Анюте - больше года.

Однажды увидела я, что бабушка что-то положила в сумочку, а сумочку - высоко на чувал. Наказала: «Вы это не берите, не троньте, а то наплачетесь». А мне охота узнать, что там. Ушла бабушка, я полезла на печь, достала сумку, развязала. Гляжу: что-то красивое, красное длинненькое. Начала рассматривать, начала чихать, плакать. Скорее сложила все обратно, но лицо сильно загорелось, я - умываться, а оно ещешибче горит. Пришла бабушка, кричу: «Бабушка Хима! Я на сумочку поглядела!» Она меня умывает, сама ругает: «Я говорила пострелу: не трогайте. Это перец!» А мне так тошно... Очень любила я строгать ножом. Бабушка даст мне тупой - я строгаю и играю. Но очень хотелось построгать острым. Вот ушла бабушка в церковь, я думаю: «Теперь построгаю острым». Взяла острый ножик и, как тупым, резанула. Порезала руку до кости. Не помню, кто мне руку завязал. Сижу, вся в крови. Приходит родня из церкви в гости, одна тетка говорит: «С ножами только мальчики играют. Сделайте ей из репки табачок. («Табачки» были у мальчиков, у девочек - «пирожки»). Братка Иван начал делать, я - сильнее заплакала. Другая тетя говорит маме: «Кума, наделай кукол, она будет играть...» Гости ушли, я уснула. Когда встала, мама подносит

мне куклу большую. На голове у ней наделаны рога, (как носили раньше платки воронежские бабы) я напугалась, заплакала. Батя заругал маму : « На что рога!». Когда мы жили в Россее, к нам привезли нового попа. А у нас в двух селах - Старо-Уколо и Ново-Уколо таким манером платки носили. Понашли из этих сел в церковь бабы, поп испугался, ужаснулся : «Что такое! Дьявольщина!». Ему рассказали , что это такие наряды.

Но были в моем детстве и радости. Поехали мы на покос, батя взял меня на руки, мама - Мишику, братка конями правит, Илюшка наверши коней гонит. Приехали уже затемно. Утром я поднялась, никого нет. Мишика в люльке, пошла мама за водицей на родник. Я побежала за мамой. Воротилась к землянке мама, наклада в белую тряпичку каши, говорит: «Как выпадет соска изо рта, он будет плакать, ты карауль, будешь в рот соску поправлять. Дюже будет плакать - тогда платок привяжи на палку, залезь на землянку, поднимай кверху, я увижу, приду кормить. Землянка низкая - залезешь.»

Посидела я возле зыбки, Мишика спит, вышла я, поглядела, наши работают. Мама на стогу высоко стоит, батя вилами поднимает сено, подает ей, братка граблями подгребает, Илюха наверши на коню бегает, копны подвозит. Я побежала к роднику, где брали воду - мне там поглянулось. Поглядела на родник - бежит водичка. Пошла пониже, там растет травка на водичке, прислушалась, как будто ребятишки кричат, говорят, обрадовалась: «Ах, какие птички!» На мне рубаха холстяная длинная. Подняла подол, начала этих птичек ловить, в подол сажать, вот такие смирные. Думаю: «Вот наловлю, бабушке повезу», наловила много, несу и думаю: «Вот как их хорошо ловить!». Принесла, начала рассаживать: Мишике в люльку посадила, на печь, в печь. Вышла на двор - наши идут обедать. Я бегу навстречу, мама тоже бежит, думала, что Мишика кричит. Я шумлю: «Помаленьку дверь отворяйте - я птичек наловила, а то улетят!». Зашли в избушку, слышу я - мама заругалась - аж в люльке лягушки. Все хохочут, собирают, выбрасывают их из избушки, а мне жалко. Дома-то одни воробы, близко

не допускают, сроду не поймаешь, а братка надо мной смеется: «Наловила лягушек, их никто не ловит...».

Прошло лето хорошее. Настала зима. Выйдешь на плант(площадь), поглядишь, как бьются на кулаках. Пройдут, а по за дорогой снег в крови - то носы вытирают, морды посшибают до крови. Раз приходит батя домой, нос, щеки поизбиты, а сам хохочет, говорит бабушке: «Наш бывший сосед российский, дедушка, с печи упал. Ихний край наших побивал, он в оконце шумел: «Наши вперед! Наши вперед!» Вышел поп наш нам помочь, мы погнали, он шумит: «Отступают! Отступают!» И назад повалился с печи. Бабушка ругает: «Каждый праздник приходишь весь избитый, в крови. Поеду в Козлуху к Митьке!».

Бабушка уехала, Анюта померла, схоронили. Приехала бабушка, привезла от сына Дмитрия внучат: Егорку, Крестю. Задумали ехать в Козлуху. Пошла я к дедушке. Мой дедушка - Матвей Савельевич. Возле них была ярмарка. Строили на этой площади школу большую двухэтажную. Поднимали лесину, затянули песню «Дубинушка». Как все рявкнули - я напужалась. Сказала дедушке: «Мы уедем скоро». Мне дедушка говорит: «А я думал, школу построят, ты бы училась. Там школы нету».

Пришла весна, начали бегать босиком. На ногах - цыпушки. Бабушка как вечер - нагреет воды, насыпит отрубей в лоханку, посажает нас кругом: Илюху, Егорку, Крестю и меня. Сидим, радуемся.

Вот какая была наша бабушка хорошая. Платок на ней красный, рубашка белая, юбка клетками большими, волосяная, фартук полосатый холстяной, на ногах - лапти, веревочки - крестиками, онучи - суконные белые...

Говорит бабушка: «По приезду из России стали на квартиру. У избы хозяина - соломенная крыша. Загорелась крыша, а все наше добро было на потолке, все сгорело. Не осталось и онуч». Егорка засмеялся: «У нас в Козлухе не носят онучи и лапти. В Березовке все российские, а у нас сибиряки. Они носят чирки из кожи, голяшки чирков подвязывают».

Говорит мама: «Неохота ехать, тут все россейские, все свои, родные». А бабушка говорит: «Там река рыбная, забоки разные, ягоды, смородина, черемуха... А калины - полные забоки. Неохота жить поврозь: Митьку жалко и вас тоже». Говорит мама: «В Сибирь ехали - тоже хвалили, а приехали - горя хватили».

Пришла крестная мать: «Мне сказали, что крестница уехала...» Говорит мама: «Уехала матушка, всех увезли, а Ульянку оставили Микишку доглядеть. Согласилась и я ехать. Жалко батюшку: мать его - мачеха, а золовка - одни убытки. Когда сгорело наше добро после приезда из России, мой муж ушел в работники к попу на три года. Свекор, свекровка стали роптать: «Внуков надо.» Пришел мой Стеша, отжил три года, родила я девочку Ганю. Были мы на пашне, поехали домой. Я хотела лульку брать, а Стеша говорит: «Завтра вернемся, не к чему на одну ночь брать». Приехали домой. Утром свекровка говорит: «Нынче праздник маленький - Пантелеймон. Поедем поскань убирать. Посадила я Ганю, пошла в конопли. Она закричала. Я выйду, покормлю, опять пойду. Она за мной ползет, я раз, два посидела с ней, а матушка забранилась. Обидно мне стало. Мужиков оставила отдохнуть, а нас на работу погнала. Ганя плачет. Я от слез поскань не вижу. Пошла домой. Ганя рыдает, я несу. На мне все трясется. Пришла, положила в лукошко, оно было с рубахами. Так, на рубахи и положила. Все уснули, а у матушки были холсты дочерям, добеливала на солнце. Она вечером забыла снять. Пошла ночью, принесла, положила на лукошко. Утром схватились, сняли холсты, Ганя была мертвая. Говорят матушка: «Мой грех». Вот и Анюта умерла. Осталась одна Уляшка, одинешенька. Я выросла одна - не с кем горе поделить, и такая же судьба у Уляшки. - Дорогая кумушка, теперь я уеду. Расскажу тебе: родила Ганюшку, скоро начала ползать, нянчить некому. Попросила я няньку, меня заругали. Уехала на пашню, настелью одеялок, пеленок. Раз посадила, пошла на работу, пришла с работы - она сидит на зипуне. А зипун-то Митькин замарала. Он взял зипун, мне о лицо вытер. Я вместо обеда проплакала.

Нанялись наши коров пасти, а пасти послали нас с Митькой. Он меня каждый день бил. Приду, стану жаловаться, свекровка меня заругает, мачеха еще добавит. Милая кумушка, век буду я обижаться на мачеху, она меня сюда насилино за Валяевых отдала. Отец-то старый, а она была молодая. Родная - то мама померла, я осталась пятнадцати годов. Наши жили богато, Валяевы - бедно. Выдали меня семнадцати лет. А мачеха свозжалась с золовким мужем. Они говорились вместе погулять. До того я, бывало, плачу: людей не стала узнавать. А как Митрий женился - я на свет народилась. Акульку взял, маленько пожили, она матушку два раза била...

Попрощались кумушки: «Прости, - сказала крестная, - моя крестница Ульяна», и пошла крестная Мария - поглядела я ей вслед.

Настал вечер. Подошли коров и в ночь поехали и погнали скотину в Козлуху. Солнышко показалось, и мы подъехали к амбару. Амбар хороший. Мама сказала: «Приехали хоть под свою крышу. Теперь будем строить землянку...»

В Козлухе поселились к самой реке Маралихе. Я загоревала: школы нету, в Березовке осталась. А мне говорят: «Тут забока, черемуха, всякая ягода». Но мне главная радость была - речка, в которой я купалась. Первое лето с бабушкой ходила на речку. На другое лето начала убегать с ребятишками. Вот раз пришла бабушка с прутом, напорола меня, взяла за руку, привела, посадила к зыбке качать Егорку, недавно родившегося родного братика: «Качай, а мы будем хату мазать».

Год прошел, умерла бабушка. Вместо школы меня начали учить прядь. А нога не доставала до лапки самопрялки. Брат Илюха крутит самопрялку, а я дергаю с кудельки нитку. Зиму прядли. Весна подходит, мы просим: «Батя, спрятаны нам обутку». А батя отвечает: «Прилетят журавли, принесут вам красные сапожки». И, правда, побегали по лужам босые не знаю сколько, покололись у нас ноги до крови. Как вечер, мы - плакать. Вспоминаю я бабушку: Она за нами ухаживала. Бывало, нагреет воды, посажает вокруг

лоханки брата Илюху, другого сына - нам сродного брата Егорку, да Крестю, накладет на ноги отрубей, и мы сидим. Она ругалась: «Пострелы, небось за мною так же ухаживать не будете». И, правда, те внуки отделились. Илюха - на пашне. Я одна была с бабушкой. Схоронили бабушку - была осень. А когда хоронили, копали могилу, выкопали горшок глиняный обливной. Старые сибиряки говорят: «Мы раньше в головах ставили горшок, накладывали курицу вареную, а бабам ставили крынку». Такое было поверье. Пятьдесят годов прошло, кресты все сгнили, могилы на могилах копали и битые крынки выкапывали.

ПЕРВАЯ ГЕРМАНСКАЯ

Так пошла моя жизнь. Зиму пряли да ткали. Мама ткет тяжину мужикам на лitan, а пестрое - на рубашки верхние, на бабы рубахи и на портки и основа и уток были льняные. Чтобы ткань была белая, холсты отбеливали: мочили и на солнце расстилали. Для этого переносили холсты на озеро, которое было через дорогу от нас. За озером была Змеиная гора. Змей было много - везде ползали. Поэтому один холст стелет, а другой глядит: как бы не наступить. Потом сибиряки нас научили: как первую змею увидите - разжигайте костер, обнесите ее вокруг три раза и бросайте ее в огонь. Для костра мы приносili соломы. И так мы каждый год: если увидим змею, поймаем, палкой подднем и несем к месту, где холсты мочим и стелем. Бывало кричат: «Дальше, дальше несите - надо большой холст стелить!» В мячик ли играем - то весь лужок, где играем, обносим. В огороде ли поймаем змею - скорей несем соломы, зажигаем.

Как весна, у нас работы много. Становится тепло, ждем: скоро придут старики сибиряки змей бить. У старииков бороды большие, палки длинные. Собираются со всего села. Молодых на гору не пускали. Весь день шумят: «Як! Як! Тутака!.Тутака! Бей! Бей!». Вот настал вечер, мы с подружкой от своих укрылись, надели на ноги сапоги, голышки подвязали, взяли большие палки и пошли

глядеть. Как увидели целую копну змей, у которых еще хвосты шевелятся. Задрожали от страха, поймались друг за друга: она за меня, я за нее и стоим, дрожим, с места уйти не можем: «Ты гляди вперед, а я назад!». Насилу ушли. Вот даже сейчас вспомню - волосы на макушке поднимаются. Если бы старики не били змей - не было бы нам спасения. Старики знали, когда змеи начнут вылезать из под каменных плит на солнце греться. От укуса змей лечил один старик Агафон. Наговаривал на масло. Помажешь таким маслом место укуса - все пройдет.

Пришло время снимать холсты беленые. Покатаешь каталками, накатаешь и рублем. Я бегала, веселилась, ждала пристольный праздник - Ильин день. Батя и мама остались дома готовиться к празднику. Понаехали родные из Березовки. Долго праздновали. Пили пиво, ели смородину.

Не успели отпраздновать августовские праздники - десятник собирается на сходку. Пришел батя невеселый, говорит: «Уляшка, поезжай за ребятами на пашню. Война поднялась. Меня берут». Я поехала на пашню и всю дорогу кричала. Подъезжаю, а братья бегут ко мне: «Братцы мои родимые! Какое горе - война поднялась, батю берут!!».

Проводили батю, плохо нам стало. Старший брат Иван управляет хозяйством. Привыкли мы с батей жить без забот. Слухи пошли - скоро будут братов год забирать на войну.

Мама чешет лен гребнем. Гребни деревянные, кленовые, гребенки - тоже. Говорит Ивану: «Сынок, Ваня, женись, а то тебя возьмут, а работать некому. Останусь я с четырьмя детьми. Я уже все обдумала. Возьмем у Варивона Бычкова дочку, он всегда встретится - в пояс кланяется, и шапку снимает. Сам он - плотник, телегу нам сделает.

- Мама, меня товарищи осмеют, мне восемнадцать годов, а ей двадцать семь.

Как стукнула мама гребнем. Он раскололся. Жалко - он же был кленовый

- Женю! И все!

И женила... Пожили молодые пять дней, и ушел Иван на войну. Сделал нам сват телегу. Настала весна, проводила нас мама на пашню к свату. Наказала нам слушаться свата: «Будет он вас учить». Илюха сказал: «Нас батя научил. Что я не умею за плугом ходить, что ли?!» Командует сват: «Запрягай плуг!». Начали запрягать не с охотой. Нам братка говорил: «Плуг не запрягайте. У нас хватит земли паханой». А теперь вот поехали по чужим полосам. Плуг у нас большой - почти аршин пласта берет. Запрягли четыре лошади. Выехали на полосу. У свата плужек легкий - всего два вершка берет. Запряг он двух меринов. Выехали на одну полосу. Сват поехал вперед, а мы за ним. Он обежал кругом, догнал нас. Брат шумит: «Понужай!», а я сижу на вершни, свою хлещу и какая рядом идет. Сват орет: «Понужайте!... А Илюха как бросит чистик - хотел в коней, а чистик отскочил да меня - по голове. Чистик-то железный. Полетела я с вершни. Испужались кони, побежали. Брат бежит за плугом и назад оглядывается: жива ли сестра? Кони добежали до края полосы, где их овсом кормили, остановились. Илья бежит ко мне: «Ты жива?!». А я лежу: «Да, я жива, только нога болит. Наверно, плугом захватило». Перевязал он мне ногу и пошли к коням. Сидим плачем, а сват пашет и к нам не идет. Говорит Илюха: «Вот попали мы в работники! Сколько у бати было убытку: кони дохли, коровы, а в работники не отдавал».

- А от чего они дохли?
- Говорили сибиряки: «Волчья голова закопана у ворот»
- Да кто же закопал?
- Да тут была глупыш - поди сам пропал.
- Засмеялся.
- Что смеешься? Пойдем отпрягать да кормить...
- Я вспомнил, батя рассказывал: как царь короновался, сделали высокую башню и с ней бросали конфеты. Бросают то в одну сторону, то в другую. И народ кидался за ними. Друг друга подавили и избили... Вот сейчас бы так...
- А как же они высоко залезли?
- Да так, наставили столбы.

- Ну и что бы ты сделал?
- А я бы разбежался, как бы за конфетами, а сам свата ударил бы головой. Ну хватит, пойдем работать...

Так поработали всю весну. Настал сенокос. У нас скотины много, сена требуется больше. Да и хлеба уродило много: еле-еле накосили сена, убрали хлеб. А сват ни в чем не помогал.

Зимой поехал сват в город. Накупил леса, пришел и просит: «Сватья, помогай. У меня два коня, а леса много». Поехал Илюшка на четырех санях. Мне жалко брата. Весну на свата работали, а теперь ещё и зиму.

Приехал Илюшка, заходит плачет: «Мама, я Рыжуху потерял с упряжью и лесом. Побежали лошади с горы, а она - впереди. Было темно, потерялась».

- Вот, - сказала мама, - и работники.

Приехал батя, жизнь стала веселее. Мы ему пожаловались, батя сказал: «Эх ты, старуха, зачем женила сына Ивана! Связала всю семью. Своих детей отдала в работники, а сноха пошла по гуляньям!».

Вот приехал брат Иван. Настала весна, запели пташки, заиграли жаворонки, запели соловьи и закуровали кукушки. Пожили хорошо, я бате говорю: «Батя, кони у нас хорошие, а кошевы нету». Заказали делать кошеву. Долго я ждала, коней кормлю, приговариваю: «Скоро буду кататься». Кошеву сделали, железа нету оковать кошеву. Иван поехал на станцию, привез железа. Хотели уже оковывать, да не пришлоось. Взяли брата на войну. Пожили мы недолго хорошо.

РЕВОЛЮЦИЯ

Поднялась революция. Говорят батя: «Вот, дочь, покатались. Кошевы не будет, а каша начинается. Начались восстания против буржуазии. Наверно, я пойду в кузню, понесу железо, которое куплено на кошеву, поделать пики».

- Батя, и нам надо пики.

- Сделаю, дочь, и себе, и Илюхе, и вам.

Принес батя пики вострые, с колечками. Посадились на вершины, поехали на казацкую линию воевать. А Илья на вершине был в летучем отряде, возил пакеты. От деревни до паскотины возил Харлов Иван, от паскотины до Марушки возил Рожков Андрей, от Марушки (речка) до спуска - наш Илья. Понесла я обедать Илье. А они так носятся, налету друг у друга хватают пакет. Положила я продукты возле моста через Марушку. Прихожу домой, спрашивает мама:

- Ну, покормила Илюшку?

- Какая еда, мама, они летают, им некогда.

- Там все несут и возле моста кладут. Будет время - поедят. Слухи есть, к ночи будут зажигать деревню казаки, надо приготавливаться.

Все повытаскивали в сад. Завернули солому в зипун, сделали чучело казака. Иванова жена - Анисья Варивоновна была здоровая, взяла пику да как разбежалась, как ткнула, насеквозд пронзила чучело. На ее глядя взялись и мы учиться.

Вот бились, бились. Хлеба начали поспевать. На пашню не пускают - кругом заслоны. Овес осыпается. У паскотины у ворот часовые стоят, не пускают. Отнесли Кирика другой бабушке, повела нас мама на пашню Щербаковым логом. Пришли на полосу. Показала мама, как косить крюком. Сноха косить начала, а я вязать. Мама сказала: «Тут две десятины. Убирайте. А то провоюем лето, потребуется овес коням на фронт». Показала, как класть в крестцы снопы. Мама ушла домой. Подъезжают к нам верховые, направляют коней на нашу полосу. Говорит нянька: «Наверно, нас побьют, хотя бы мама скорей уходила, а то всех побьют, останутся дети сиротами. У Кирьки отец неизвестно где. Лучше бы идти всем сюда. Да идти далеко - семь верст». Кирику жалко. Егорку - братику тоже. А сами дрожим. Они заехали в полосу. Кони едят и топчут овес. Остановились. Мы работаем. Думаем: «Ни то - красные, ни то - белые». Пошла нянька, узнала двух комышенских из соседней деревни. Когда - то они у нас чай пили.

- Что вы хлеба топчите?

У них значков не было - убежали с позиций.

- Что вы народ пужаете?

- Никого нигде нету. Одни вы - знакомые.

- Сколько много овса потоптали!..

Они уехали, мы пошли домой. Идем, сами дрожим. Молимся, чтоб никто не увидел. Так вот и ходили овес убирать. На фронт нас не угнали. У няньки маленький Кирилл, а я - мала.

Получили пакет наши фронтовики: бросать оружие и - кто куда. Не знаю почему. Ни то оружее было плохое. Разбежались все по степи, не знаем, где - наши.

Пошла я на пашню. Взяла узелок хлеба, подошла к своей землянке, выходит батя. Я заплакала.

- Мы не знаем, где вы есть...

Батя спрашивает:

- Где Илья?

- Я не знаю.

Отдала я хлеб, разделили помаленьку.

- В завтра будете тут, я вам больше принесу.

Пришла домой, мама всю ночь не спала, настрияла хлеба, наварила мяса. Запрягла я Соловка, сходила за подругой, за Бондаревой Серафимой.

- Ваш отец там, где и мой. Поедем со мной.

Приехали мы к землянке, повышло много мужиков. Спрашивают:

- Никого нету?

Сами едят, испуганно глядят, наказывают:

- Кто будет, пожалуйста, скажите.

Мы скорей спустились с горки. Накосили травы полную телегу. Поехали домой. Заезжаем в деревню, глядим: со всех сторон наехали солдаты наверши. Окружили паскотину, саблями рубили. Мы сидим на телеге, сами дрожим. Я боюсь, Серафиму толкаю: «Ты молчи!». А солдаты обгоняют и стреляют. Спросили:

- Где были?!

- За травой ездили, - отвечаю.

Всех спрашивают. Идет дурачок Степа Бережной, окружили его, спрашивают:

- Где большевики?

- Калина красная, - отвечает он, сам рукукусает. Подъехал еще один солдат:

- Это глупый.

Подъехали к вдовухе Шипиловой Лукерье. У них много ребятишек, спрашивают:

- Где большевики?

- Я - большевик, видите - я больше всех, - отвечает старший из братьев - Иван.

- Он, он больше всех, - вскочив, закричали все остальные братья и сестры.

Приехали мы домой. Все спрашивают: - Живы мужики?

- Живы, - отвечаю.

Проехали солдаты по селу. Убили двух мужиков. Сами виноваты. Когда подъехали солдаты, они побежали хорониться. Их застрелили. Одного убили на Маралихинской степи - Егора Ивановича.

Когда проехали все село, разослали весть, чтобы явились все на сборную добровольно. Загоревали мы: как быть? У нас были хорошие мужики: Чепелев Иван Яковлевич, Еремей Иванович, Греков Кузьма. С ними посоветовались. Они посоветовали сказать нашим мужикам. Пошли мы с нянькой. Дошли мы до Щербакова лога:

- Теперь ты воротись, я одна побегу. Юбки наши шабурные, длинные. Взяла юбку в руки, побежала, все мужикам рассказала, и они приехали на сборную. Пришли все наши. А казаков боялись потому, что через Козлуху из Пустынки гнали двух казаков в волость. Выехали из села - изрубили их саблями. Один еще был живой. Приказали его добить. Вышло много народа, но никто не хочет добивать. Выкопали могилу. Взяли его за ноги, сбросили, живого закопали. И вот ждали Савку с

карательным отрядом, боялись - вдруг кто докажет. Никто не выдал, но страху все натерпелись.

Стало поспокойней жить. Задумал наш родитель женить Илью. Поехал в поселок Булыжиху, высватал, женил. Пожили три недели, забрали Илью на войну. Осталась Акулина солдаткой. А Ивана уже год как нету, и писем тоже не было. Нянька пошла гулять, нагуляла живот, ушла к отцу, увела Кирилла. Я пришла - люлька лежит на полу, я взглянула, а Кирюшки нету.

Начали работать с Акулиной Устиновной: Микишка, Егорка и я. Нас мало, коней много. Батя ездил в обоз. Осень была дождливая. Все застыло. Поедем по сено, залезем на стог, тащить не можем - все смёрзлось. То одна дергает, то другая - ничего не можем сделать. А братья-то еще малые.

Прошел год. Приехал Илья, весь израненный, ноги черные, ходить не может. Поехали хлеб убирать, он просит: «Выведите меня, я поеду с вами». Вывели его, посадили его на самосброску - такая машина с крыльями. Едем, погляжу на Илью, а он покернел. Я подъехала, перевели на телегу. Я говорю: «Посидите рядом с Акулиной, а я - на машине буду». Едем, погляжу - Илюха черный, как уголь. Жил два месяца. Приходим обедать - он лежит. Пообедаем, поплачем. Плачем, всё Врангеля проклинаем - он Илью искалечил. Большого проводили в Томск на операцию. Через год получили похоронную - умер. Схоронили его в Томске. Акулина ушла замуж.

СЧАСТЬЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ

Братка Иван приехал с войны, оковал кошеву. Но я не веселилась. Было две снохи, я к ним привыкла, а теперь ни одной нету. Ходил братка, звал няньку, но она не вернулась. Снова женился. Я была на пашне. Братишки Микишка и Егорка увидели - наши едут и увидели красный платок - знать невестку везут. Я рада была, надоело одной. Взяли Анастасию Матвеевну. Я скоро привыкла. Стали вместе работать.

Брата назначили председателем сельсовета. Опять мы вдвоем на пашне. Думаю я: «Привез работницу, сам не показывается...». Подошла зима, братка поступил учиться на коновала. Батя отдал ему корову для уплаты за учебу.

Настала жизнь хорошая, веселая. Только жалко Илюху - погиб за Родину. Начинают наши богатеть. Покупают машины, разные брички, жатки. А мы пряли, ткали. Юбки шабурные, кофты холстяные. Плачем, просим что-нибудь купить. А батя:

- Куда!? Заче!?

А нам стыдно. Ходим в самодельном. Батя говорит:

- Подожди, Ульяна, всё справим.

А докуда ждать. Женишки ходят за мной, подсматривают. Я думаю: «Не пойду замуж». Пошла к портнихе учиться шить. Холстяное шью, крою. А купят ситцу три аршина, так у меня руки дрожат. Портниха говорит: «Дайте корову. Я научу кроить, шить». Пришла домой, говорю:

- Дайте мне корову, я пойду учиться на портниху...

Не дали мне корову. Как братке дали корову - он научился. Братка ходит по деревне, лечит скотину. Ходит народ, просит: «Иван Степанович, состав сделай, Иван Степанович, пожалуйста». А как работать - то я да снохи. Обидно мне стало. Весь двор заполнен скотиной. Коней три породы. Одна - сибирская, рабочая, другая - воронежские тяжеловозы, третья - орловские рысаки. Только тем была я довольна - любила на конях кататься. Наверно, за это меня кавалеры любили, хотя и не была красивой, наряда не было, а красили меня кони - многие рано начали за мной ходить.

Два года я была знакома с Громовым Герасимом, когда его семья приехала из Новгородской губернии в 1917 году. Но в Козлухе его часто не было. Его старший брат Яков спекулировал лошадьми: набирал коней, угонял по городам, и Герасим с ним ездил, помогал.

Меня начал провожать Пашков Микишка. Был он красив, хорошо играл на бандуре(балалайке). Пойдет плясать - залюбуешься. Ходить было далече - он жил на другом конце

деревни, а деревня семь верст. Приехал Герасим, пригрозил ему: «Больше не ходи!».

Прошло время, Герасим опять уехал. Пошел на наш край Сёмка Глотов. На другой день поехали мы на пашню. Колочу я подсолнухи, подъехал сродный брат Егор, сын дяди Дмитрия, вырвал у меня колотушку, начал меня колотушкой по бокам. Бьет, приговаривая: «Вот тебе, вот тебе Сёмка, вот тебе писарёнок!» (Он был писарем в сельсовете).

Настала осень, пришли сватать за Сёмку. Я молчу. Три раза приходили. Стали меня спрашивать: «Пойдешь замуж?» Я отвечаю: «Нет, ничего нету, не пойду». Родители отказали.

Герасим бегает по нашему краю. Меня соседи вызывают, а меня не пускают - боятся, что убегу за Герасима. Я сказала: «Никуда не пойду, пока не справите все!». Пошла работа: начали лен мять, взялась прядь, не стала ходить за скотиной. Объясняю: «Никак ничего неправляю...».

Приходит бывшая сноха Акулина, просит батю: «Дай мне коня - к своим съездить». Батя говорит: «Бери, только поезжайте двое: Ульяна поедет». Едем по селу, нас остановили - нет пропуска. Мы остановились. Говорят: «Ленин умер!». Попросились. Поехали. Выехали за деревню. Я говорю: «Жалко, Ленин помер. Хорошо при нем было, весело. Что я буду делать? Ничего мне не купили. Замуж не пошла, а теперь пойду».

- За кого? - спрашивает Устиновна.

- За Герасима... Я его люблю, мы с ним договорились. Познакомились с ним, когда Громовы из России приехали. Наши продали им дом и отдали большую полосу покоса. Они стали косить - я заругалась. А Яков говорит: «Мы тебя замуж за Герасима возьмем». Он на меня шумит - я на него, и все.

Герасим долго за мной ходил, а я все боялась ходить. А теперь кажется, что лучше его нету, уже третий год встречаемся.

Съездили в гости, приехали домой, зашли в хату. Батя говорит: «Маленько сватов не захватили». Я ушла в горницу. Ах, как стыдно!

Акулина Устиновна расспрашивает: «Какие они?». Рассказывают: «Наши, российские, воронежские, живут на другом конце деревни. Живут богато. У них кони хорошие, пасека большая. Приходи-ка, Устиновна, завтра посоветовать. Завтра опять приедут».

На другой день сижу, пряду, ночь не спала, все думала: «Хотят отдать за Федяева. Жениха не видела и звать не знаю как. А они хотят отдать замуж».

Пришла Акулина со своим мужем - Петькой.

- Что же вы хотите силком отдать? Ваш племянник Егор узнает, придет всех разгоняет. Вы ведь не знали, когда он женился, брал Санку Филимонову. Ульяну хотел Микулин Мишка убегом взять. Доброму не мог - боялся Герасима. Кто-то Егору сказал. Он выскоцил на улицу, всех разогнал, завел Ульяну в горницу, втащил за печь и пригрозил безменом. Все удивились, что он делает! Ведь не родная же сестра. А он очень хочет отдать её за Герасима.

- Ничего Егор не сделает. За Сёмку он тоже бил. А за Герасима я не отдам!

Я сижу в горнице пряду, слушаю, кто чего скажет. Говорить не смею. Я батиного взгляда боялась.

Разошлись гости. Пошла убираться. Подоила коров, повезла молоко на молокозавод, а там со всего села народ. Стоят в очереди, шепчут. А я слышу, говорят:

- Ульяна замуж идет за Федяева.

А другие:

- Нет, за Громова.

А я боюсь взглянуть - стыдно. Думаю: «Что вам нужно? Я сама не знаю...»

Сдали молоко, скорее домой. Успела заехать в ограду. Только зашла в горницу - вот они, Федяевы приехали. Заходят в избу, пять человек. Заходит ко мне в горницу первый сват. По спине меня гладит, ладошкой похлопывает. Вызывают меня, велят со всеми поздороваться. Вхожу я, а сама ничего не вижу, думаю: «Жених сидит на лавке возле порога». Подала ему руку, взглянула на него. А у него шапка черная, папаха лохматая,

лица не видать. Родители между собой договорились. Сказал батя: «Завтра приходите с вином».

Когда сваты были, прибежал Егор - сродный брат. Дождался, когда сваты уйдут, и побежал к Громовым. Я думаю: «Что-то будет...» Он рассказал Громовым: «Ульянку просватали!».

СВАДЬБА

Мы уже хотели ложиться спать, вот они - Громовы: Яков, Алексей - старшие братья Герасима: «Теперь эти не отступят!» Долго отец спорил, братка Иван тянул за Громовых. Досидели до утра. Утром пришла соседка, зовет меня: «Пойдем к нам, у нас - Герасим, его брат Василий».

- Не смею. Никуда не пойду. Как хотят, куда хотят - отдают, а я не смею послушаться.

Наконец батя сказал: «Идите за вином». Яков пошел, Алексей сидел - караулил. Вот приехали родители Герасима и три его брата женатые. Посадили за стол нас рядом. Куда бы я девалась - до того стыдно! Наклонила голову ниже. Говорит старший брат жениха - Яков: «Горько!». Мой брат Иван: «Горько! Три года целовались, мы не видели. А теперь при всех целуйтесь. А ну-ка!» Все зашумели: «Целуйтесь!». Я еще ниже голову склонила. Герасим расклонил мне голову, поцеловал. Мне еще тошнее. Поехали все двор жениха глядеть, невесту не берут. Так решил батя. Я дома осталась. Меня замкнули. Микишка, Егорка - младшие братики - по улице бегают. Я в окно гляжу.

Едут на двух кошевах Федяевы. Меня затрясло. Куда бы деваться!? Подходят к дому. Микишка навстречу бежит:

- Дома никого нету, уехали все к Громовым!

- Ульяна где?

- Тоже, - отвечает Микишка.

Повернули сваты, поехали назад. А я пряду лен. Приехали наши. Братка песни поет, поигрывая. Батя говорит:

- У меня работала и там достанется. На кухне стоит чан на 20 ведер - коров поить. А скота: пять коров дойных, пять телят, три телка. По-российски натащают в хату воды, нагреют, потом скот поят. Свекор и свекровка твои - старые. Золовка темная (слепая). Вот дочка, все на тебя. Придется тебе поработать...

Забежали Микишка с Егоркой, наперебой говорят:

- А тут приезжали Федяевы, на двух парах, и кони у них хорошие. А упряжки блестят. Народу много. А у Громовых кони плохие, упряжь плохая - дуги макушку пробивают!

А братка Иван:

- Зато зять хороший, мне глянутся все братья!

Мама его поддержала.

- Родни теперь у нас будет много. Когда Нинку крестили, нас взял Василий в кумовья. Пошли мы с Ульяной, посмотрела на Громовых и подумала: «Была б хорошая родня» Я люблю Громовых - они с женами хорошо живут.

- Ты, старуха, ничего не понимаешь!..

- Как это я не понимаю?! Я век прожила, небо прокоптила, хватила горячего до слез. Хватит шуметь!

- Теперь чего шуметь, Ульяну пропили, - говорит братка. Мы пошли с кумой в горницу.

- Расскажи, кума, когда свадьба?

- Месяц пройдет...

Пришла Акулина. Я заплакала.

- Жил бы Владимир Ильич, я бы пожила в девках. Помер Ленин, на другой день меня просватали.

Говорят снохи:

- Теперь давайте кроить и шить, что надо...

Достали холстину. А мама говорит:

- Надо мерить Герасима.

На другой день запрягли братья Соловка. Кошева хорошая. На дуге - колокольчики. Шлея блестит. Поехала по селу. Вожжи намотала на руки, держу из всех сил, а конь рвется в галоп. Повезти всех подружек. А люди выходят на дорогу, глядят.

Настал вечер, сошлись подруги, пришел Герасим, пришли ребята. Принесли балалайку, началось веселье. А мне не до веселья. Но выгонять нельзя, такой обычай. Как просватается, до свадьбы каждый вечер у невесты, молодежь веселится. Это как закон.

Подружки шьют. Нашили десять пар белья холстяного, подштанников, рубашек. Две пары верхних рубашек, двое штанов суконных. Все шили руками. Еще шили для дареня свекру и свекрови, и деверю Василию.

Поехали в горы, в Чарышский район, за медом. Привезли меду по фляге. Наварили пива, ждут, когда поспеет. А мне не до гулянки. Батя ругается:

- Связались с Громовыми. Молодежь каждый вечер.

Когда братка дома, он молчит. Мама говорит:

- Какого пострела ругаешься? Когда пил водку, пиво, не ругался. Ульяну и так горе сокрушило. Хочешь, чтоб девка никому не досталась?

Хорошо. Вечерами шили. Как воскресенье - катаемся на лошадях. Герасим ходит каждый день, говорит:

- Я тебе говорил - иди убегом, плохо тебе сейчас, - видишь, как похудела...

- Герасим, плохо не только мне одной. Я горюю - Ленин умер. По нему многие горюют. Скоро шесть недель, как я просваталась и с его похорон - тоже шесть недель. Завтра свадьба.

Собрались подружки, натопили баню. Запрягли пару коней, нарядили веник, насадились полную кошеву. Садятся - радуются: «Покатаемся на хороших конях, на колокольцах звонких». Повезли веник жениху - такой обычай - меняться вениками. Громов свой не дал и мой оборвал.

Приехали мои подружки с обидою, говорят: «Вот каким веником тебя будут парить». Я поглядела - он весь оборванный: «Придет жених - мы ему покажем...»

Пошли в баню. Парят меня, моют, да все причитают:

- Пойдешь, наша подруженка, во чужу семечку. Баню топи пожарче, веник распарь помягче, парочек пускай полегчее.

Пришли домой. Заплела мама косу. Плетет, причитает...
Пришел Герасим, напал мой девичник на него:

- Почему с нами так поступил?!

- Я не виноват, сноха оборвала, всяко его приставила.

Это была первая неприятность.

Начали садиться за стол. Посадились мои подружки. Ударилась я на дубовый стол, на белую скатерть, стала плакать с причитаниями:

-Любезные мои подружки, да вы садитесь за дубовый стол, да за белую скатерть! Да родимый мой батюшка! Да родимая моя матушка! Употчевайте моих подружек последний денечек, последний вечерочек!

Поднялись, убрали все. Я опять:

- Да спасибо, родимый батюшка! Спасибо, родимая матушка! Да употчевали моих подружек! Спасибо, мои подружки! Вы меня веселили последний вечер!

Долго играли, плясали, начали расходиться. Пошла я провожать. Жених сидит невеселый. Мы с ним всегда провожали вместе. А он сидит. Глядим - заходит Алексей - брат Герасима. Говорит: «Извините, сватовья, что будем делать? Пришел поп, говорит, что венчать не будет». Как отец вскочил на ноги: «Как это не будет?!!»

- Да так. Пошли в сельсовет, а нам сказали: «Годов у жениха не хватает, зарегистрировать не можем, и поп тоже не берется»

Поднялся отец, начал материться:

-Мать вашу перетак! Довели до последнего дня. У нас приехали родные из Березовки. Разве это хорошо? Ульяна всю родню созвала...

- Ах, какой позор, - говорит мама, - на всю Березовку, у нас там родных много по всей деревне. Вы наших девишиц опозорили - твоя жена Устинья. Почему вы это допустили, и нам заглавовременно не сказали?! К нам приехал мой отец, Ульяны дедушка...

Встала я на колени перед дедушкой:

- Разрешите мне невенчанной выходить...!

И говорит дедушка, -

- Если не сходиться - больше греха. После повенчаетесь.

Я плачу. Отец ругается.

- Ты, Ульяна, не плачь. Я говорил. Как вас уговаривал.

Почему старшой не пришел?! Якову некогда - спекулирует. Василий тоже увильнул. Кто сватался - не пришли.

Ругались, спорили - кому убытки платить. Подошел Герасим, взял меня за руку, вывел на улицу, обнял, поцеловал и заплакал:

- Докуда меня будешь мучить?! Потребуют в армию и мы повенчаемся. Иди и скажи - будем сходиться.

Я не посмела. Зашел сам. Говорит:

- Папаша и Вы - мамаша, не мучьте нас!

Пожалел отец:

- Ладно, берите, живите...

Пошел Герасим со своим братом - уже скоро утро. Утром собралась вся наша родня. Заплела мама мне косу мелко-премелко, вплела ленту алую. Собрались мои гости. Посадились за стол. Надо расплетать косу по-сибирски. Надо встать, а я не могу - заливаюсь слезами. Мне надо начинать запевать:

- Да родимый батюшка, да родимая матушка, да любезные подружки! Ой, да расплетите мою косу трубчату...

Пелагея запевает, все подхватывают. Косу расплели, начали говорить «спасибо». Я начинаю запевать:

-Да любезные мои подружки, подойдет весна красная, да пойдете вы в чисто полюшко, да найдете вы мою девицию красу. Принесите родному батюшке, родной матушке.

Кто за столом, запев подхватывают, поют жалостливо. Народу полно, все плачут. С утра до обеда все пели, плакали. Дружки за это время три раза побывали. Ездили на коню. В третий раз приехал жених, свашки подружкам уплачивают, выводя их вон. Пошли. Тот час заходит женихова родня. Остались я и моя свашка Акулина - прежняя сноха, свашка Герасима - его сестра Паша. Дали нам по свечке, моя розовой

лентой перевязана, Герасима - синей. Дружкой был Пашин свекор. Дружка зажигает свечи, свечи горят, дружка что-то наговаривает. Он по всей деревне ходил - дружил на свадьбах. Как его не позовут, так спорят молодых. Потушили дружки свечи, выпили пива, вышли из-за стола. Я поклонилась всем в ноги, сперва родителям, всем своим соседям, кланялась, просила: «Простите меня Вы и благословите!».

Стали садиться: жених на своих коней, а я - на своих. Я и свашка Акулина. Братка Иван - кучером. Жених едет на своих. Наш кучер вожжи вокруг рук обвил, натянул, сдерживая коней, а женихова родня своих коней бичем настегивает. Подъехали к Громовым. Наш кучер договаривается, торгуется, в ограду не хочет заезжать, а я сижу, слушаю. Шалью большой укрыта, голову наклонила. Народу сбежалось много. Кто глядит, как дружки торгаются, кто на коней глядит, шепчет: «А кони, какие хорошие, да и сбруя хорошая».

Подходят старушки...

- Вот опять в наш край приехала. Ни то шесть годов тут не жила, ни то семь. Мы звали тебя Ульяшкой, а сейчас послышу - говорят: «Ульяна Валеева».

- А теперь - «Громова», - говорит другая.

Пока дружки договорились, соседки наговорились...

- Тут Ульяне лучше будет жить. Знаем кума Степана - он грозный. А работала - так помимо нас ездила на этих конях зиму и лето.

Договорились дружки, повели нас. Вышел свекор с иконой, свекровка с булкой хлеба, на булке насыпана соль.

Постелили самотканый ковер, начали нас благословлять. Поклонились папаше, поцеловали икону, поклонились мамаше, поцеловали хлебушко с солью.

Завели нас за стол. Завесили большой шалью. Заплели две косы. Говорит Акулина:

- Относила алу ленту, теперь носи две косы.

Кругом головы обвязали платком, назад косяком. Так вот окрутили.

Подали гребень мне. Подозвали свекра, заставили родителей жениха назвать, заставили жениху чуб чесать. Подзываю:

- Папаша, мамаша, благословите Герасиму Дмитриевичу чуб почесать.

Я почесала, поцеловала. Братка разлохматил, опять заставляют, так до трех раз.

Приехала наша родня. Вышли мы встречать. Посажались наши родные, погуляли вечер. Дружка был сибиряк, положил нас спать и наказал: «Завтра не вставайте, пока я не приду, чтобы всем объявить, что невеста свою честь до замужества берегла».

С утра поехал Герасим и я с ним ко столам гостей звать. Едем, я думаю: «Наверно батюшка все ругается». Захожу в дом, батюшка - навстречу, я чуть не упала - испугалась. А он - с вином :

- Вот на, моя дочка, вот на, мой зятек.

Поехали гости, начали столы отводить. Долго отводили, одаривали молодых. Кончили дарить, подошла я к мамаше: мама заплакала, сказала:

- Моя дочушка, мы вчера приехали, я увидела - ты засмеялась первый раз за весь месяц, как просваталась. Лучше б убегом убежала. Ты плакала и я - на тебя глядя.

- Мама, я боялась, батя не простит...

- Куда б он девался... Ну ладно, хотя б хорошо тебе жилось.

Подходят свашки: Акулина, Прасковья. Начали дары подсчитывать, сколько ко столам наклали. Подошел Герасим. Достали свашки свечи, начали мерить: чья свечка больше сгорела, тот вперед умрет. Померили - Герасимова больше сгорела, моя меньше. Мы засмеялись, мама сказала:

- Герасим, это неправда. Ты боком свечку держал, она больше сгорела.

Он ушел.

Отгуляли свадьбу. Акулина всем рассказала, чья свечка больше сгорела. Ее муж Петр посмеялся Герасиму: «Ты умрешь,

Ульяна останется». Герасим три дня сердился, я не знала за что. Потом спросила:

- Герасим, за что ты сердишься?

- Моя свечка оказалась короче, а ты засмеялась, обрадовалась.

- Чему же я обрадовалась? Все засмеялись, и - я. Что же, сразу плакать буду?

НЕПРИЯТНОСТИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Прошла Масленка. На Прощеный день приехали Валеевы: Иван, кума Настасья. Сошли Громовы. Сродный брат Егор вышел и зовет всех:

- Поехали город забирать!

А этот снежный город полдеревни строили две недели, возили снег, воду. Установили деревянные стояки, вроде, как ворота. Положили на них перекладину. Теперь одни стараются «взять» город, разломать его, а кто строил - не дают. Наши веревки на ворота набрасывают, тянут чтобы их свалить. А защитники снежками бросаются, не дают. Вся деревня воюет. Кто навершне, кто пешком. Наши потянули стояки - уронили на себя. Столб упал на плечо Иванова Прокопия, с плеча скатился Герасиму на голову. Он упал. Народ лезет его глядеть. Но я этого ничего не видела, стояла в стороне, на пригорке. Народ бежит ко мне, глядит, что я делаю. Я думаю: «Чего они на меня смотрят?»

Смотрю, - Герасима повели к нашим саням. Мне шумят:

- Мужа убили.

А я отвечаю:

- Да вон он пошел...

Подошла к саням, спросила: «Герасим, что с тобой?» Он ничего не сказал. Поехали по домам. Я рассказала папаше и мамаше. Они побрали нас. Я убралась со скотиной, стала звать:

- Герасим, пойдем к нашим, они просили. Сегодня же - Прощеный день. Все ходят. Папаша, мамаша посылают. Он надулся. «Ладно, он, наверно, заболел». Долго сердился, потом рассказал:

- Я сержусь, почему не подошла, когда я упал...

- Как же я подошла бы - там навершне толпились, народу было много, и я ничего не видела, пока мне не сказали.

Прошло семь недель. Герасим никак не успокоится. Завтра Великий день. Настряпали пасок, засобирались пасхи в церковь нести. Золовка Дуня говорит:

- Пойдем, пока светло. Нам плыть на пароме. Темно будет - паром не будет плавать.

Я пошла отпрашиваться. Герасима не нашла - может спряталась. Старые люди говорили: «В церковь можно без спроса». Мы пошли. Пришли утром, Герасим меня наматерил. Я заплакала и подумала: «Как заговлялась так и разговляюсь - слезами».

По нашему обычанию, первый год молодые ходят на лужок, гуляют с молодежью, а Герасим и сам не идет и меня не пускает. Прошли семь недель - он все меня упрекает. Настала Троица, я зову его к своим - он не идет.

- Пойдем на пасеку.

Она была семейная, общая на всех четырех братьев. Можно было любому дежурить. Посидела. Сказала:

- Завтра пойду к маме, она меня ждет...

Утром я ушла на молоканку. Унесла молоко.

Пришла домой, мамаша говорит:

- Ульяна Степановна, Гаранька наказывал...

Я заплакала.

- Когда же мне к маме сходить?! В будни некогда, в праздники не пускаете.

Собравшись, пошла к своим. Мама встречает:

- Я думала, Герасим придет.

- Он не пошел. Пошла одна - хоть ворочайся.

Посидела, рассказала. На Масленку не пришли. Так жила до Пасхи, и с Пасхи до Троицы. А теперь, что будет...

Пошла домой, встретилась сноха, говорит:

- Пойдем на гору, молодежь вся ушла.

- Что ты говоришь? Я к нашим пошла - не знаю, что будет.

- Разве одна ты? Пойдем...

И я сходила. За это мне попало.

Прошли праздники, начали назем топтать, кизяки делать. Я наливалась воду. До чего же груди мерзнут!

Зашла в кухню, стала к печке, хотела погреть. Зашел папаша, заругал: «Кони стоят, воды нету». Я ушла. Прихожу обедать, Дуня говорит:

- Ульяна, слухай, что мама говорит: «Веста молодица тяжелая - груди мерзнут».

- Не знаю..., - отвечаю.

- Как не знаешь? А по рубашке...?

Мне стыдно стало. Думаю: «У Дуни глаз нету, ей не стыдно...»

Наделали кизяков. Когда они высохли - сложили их в скирды.

После кизяков поехали на покос. Нам достался участок на спуску, между дорог. Трава - оржаник - тяжелая для косьбы.

Мой мужик почти не кашивал, а я накосилась с малолетства. Выехали в воскресенье, жили в шалаше до субботы. Много накосили, наметали. Народ завидует, говорит: «Валеяева научилась у отца, а у Громовых семья большая, Герасим самый младший, избалованный, непривычный к труду...»

Приехали домой, Дуня соскучилась, говорит: «Ходил папа к вам». Говорит: «Молодица хорошо работает». Я думаю: «Были б у меня глаза - меня тоже похвалили бы».

- Ничего не поделаешь, Дуня, - говорю я.

- А я обижуюсь на маму. Чужих детей набирала, воспитывала, а меня калекой на свет пустила.

Дуня заплакала. Глядя на нее, плачу и я.

Папаша говорит:

двенадцать казенных детей, своих тринадцать. Сошлись мы, оба из работников. Родили первую девочку - не во что завернуть. Поехала мать в Питер, взяла у пана ребеночка. Два года пожили, у нее уже стало четыре ребенка: два своих, два казенных. Первого сына - Якова - родили, сильно мать его жалела, поздно поехала за казенным и ей не дали - молоко осталось. Потом уже на каждого своего ребенка брали казенного. За воспитание казна давала деньги. Их хватало и на казенных, и на своих. Так двенадцать казенных детей вырастили и тринадцать своих. Мать только детьми занималась, а я коров кормила.

Глядя на нас, люди тоже стали брать. Но, глядишь, детей у них отберут и самих розгами напорят за плохой догляд за детьми. Барыни проверяли. Раз, другой захватят грязных, голодных - забирают. А мы, сколько воспитали - ни разу нам упреков не было.

Прожили жизнь - ничего приятного. Паны всю землю себе забрали, и мы у них в работниках были. Бывало, треплем лен до глубокой ночи, пока петухи три раза не пропоют. Ждем десятника, приедет - разрешит ложиться спать. Боялись его, тряслись, как осиновый лист - того и гляди розги получишь. Видите: у меня рука кривая - изувечил на такой работе. Уже подумывал сломать замок на амбаре пана, тогда бы в Сибирь сослали за казенный счет.

Теперь на свободе наши дети. Только одна сокруха - Дуня. Назвали мы ее по покойной Дуне - умерла восемнадцати лет от чахотки. Большое несчастье, когда дети взрослыми умирают».

Побыли мы дома недолго, поехали на пашню. Свезли с собой птицу: курей, индошек. Работаем, радуемся. Птица на воле. Работаю, а на уме - молодая картошка. Долго не говорила Герасиму. Думала, что будет смеяться. Долго терпела. Пошли обедать, я говорю: «Накопаем молодой картошки». А Герасим накопал чуть-чуть. Наварили, я говорю Герасиму: «Ешь старую». А он нарочно выбирает молодую. Я заплакала. Он говорит: «К Новому году родишь сына».

- По чем ты знаешь?
 - По картошке.
 Мне стыдно стало.
 - Глупая Ульяна, что ты стыдишься, чего боишься?
 Вершник будет свой.
 - Герасим, как я пойду к нашим? Буду толстая... Не то, что девушка.

Покос убрали, началась страда. Однажды идем к стану с работы - куры нас встречают. Одна курица бежала поперед. Добежала до нас и запела, как петух. У нас был топор. Герасим как бросил - убил курицу. Поработала я три дня, заболела. Пролежала двадцать суток. Поднялась - поехала на пашню конопли дергать. Конопля занимала полдесятины. Подергала четыре дня. Затрясла меня лихорадка. Сперва через день. День лежу, на другой - здоровая. Работаю - песни пою. Начали лечить, поить купоросом, начала каждый день трясти. В нашем селе врачей не было. Забрал деверь Василий меня, сам поехал, меня повез.

Ослушал врач, сказал, что болят легкие. Мою беременность не заметил, ничего не спросил. Побыла я в Березовке у дедушки. Приехала, говорю:

- Герасим, вези меня к нашим: поживу, полечусь, может оздоровлю.

Повез меня, говорит:

- Как же будем, я не могу без тебя, Ульяна.
 - Люби какую-нибудь, меня не забывай, пока живая,- от жалости ответила я.

НЕДУГИ ДА ГОРЕНЬ

Приехали к маме. Начал лечить братка Иван. Пожила неделю, совсем здоровая стала. Узнал об этом свекор, пришел рано, затемно:

Рады мы, что Ульяна оздоровила, ждем ее домой.

Пришел Герасим. Вышли все из горницы, он говорит:
 - Скоро домой?

- Не знаю, с обеда заболел живот.
 Он ушел. Все спать легли, а мне - хуже.
 - Сурочил Герасим, - говорит мама.
 - Гостинцев поела, - сомневается батя. Лежат спорят.
 У меня закричал ребенок. Братка, его жена, будущая моя кума, соскочили - убегать. Мама убежала за повитухой. Батя коня запрягает, поехал к Громовым за пеленками. Заходит к ним:
 - Поздравляем с внуком, Герасима - с сыном.

Прошла неделя. Герасим ходит каждый день, завет домой. Батя говорит:

- Видать, работница требуется.

Повез меня. Скоро праздник - Рождество. Я начала белить, мыть, коров доить. Начала меня бить лихорадка, совсем затрепала. Напал на сына Мишу коклюш. Пожил десять недель. Сама болею и Мишу жалко. Умер, скончали. Герасим начал в карты играть.

Услышал батя, послал маму с Микишкой за мной. Говорит мама:

- Поедем домой, отец за тобой послал. Пока ребенка нет - надо от мужа-картежника уходить.

Я в голос плакать:

- Я не поеду, Герасима жалко.
 - Что его жалеть, он тебя не жалеет, по всей ночи ходит.
 - Пусть ходит. Он молодой, а я - больная.

Пришла старшая сноха Авдотья Егоровна:

- Сватья, куда же забираете Ульяну? Герасим ее любит.

Его люди осмеяли, что он сидит дома.

- А почему тогда не смеялись, когда поженились! Ульяну не пускал, и сам не ходил.

- Ладно, мама, поезжайте, я подумаю.

Подумала: «Может оздоровлю и будем жить».

Пожили, я оздоровила. Герасима начала лихорадка трепать. Вот начала, то его, то меня, то обоих вместе. Интересная болезнь. Один день то трясет, то жар. На другой день - совсем здоровый. Работаем, песни поем.

Оздоровила я, родила сына Володю. Сижу в горнице, что-нибудь шью, готовлю пеленки, зайдет свекор, приговаривает:

- Не вовремя сынок нашелся, надо сено косить. Зимой молока надо будет, а коров нечем кормить.

Выйдет, а я подумаю: « Никто на покос не выезжал. Мишеньку родила - в самые морозы в январе. Пойду коров доить, зуб на зуб не попаду».

Прошла неделя, поехали на покос. Забрали Дуню, приехали во чисто поле. Отпрягли коня, подняли оглобли, повесили люльку, закрыли палаткой. Дуня сидит, баюкает Володю.

Хорошо мы поработали, много накосили, наметали. Второго августа праздник - Ильин день. Пристольный в Козлухе. Поехали домой, встречают нас, говорят:

- Володя большой.

- На вольном воздухе жил, - отвечает Дуня.

Весь народ гуляет, а я хожу боком. Болит спина. Болела три дня. А Володя растет по часам. Все Громовы им любовались...

Поехали опять в поле, жили в палатке. Пошли холодные дожди, Володю начала оставлять дома. Приду домой, Дуня хвалит: «Володя хороший, спокойный».

Прошло два года. На третий родился Вася. Повезли на покос Дуню опять. Таким же манером. Приходим обедать, Дуня ругается: «Такой неспокойный».

Прихожу вечером, ложимся спать, а он кричит. Я говорю: «Настает ночь, сижу, сижу всю ночь». Утро подходит, Дуня говорит: «Подходит день тебе кричать». Ночи холодные. Носик заложило, он сосать не может. Приехали домой, понесли в больницу, меня заругали: «До чего довела, грыжа появилась, пупок растет». Фельдшер Петр Иванович Степанов дал капель, спасибо, вылечил.

Настала осень, я начала готовить прядево. Лен, коноплю мять. Дуня кроликов кормит, за лето их много навелось. Зайду в дом, Вася кричит, Володя качает его в зыбке, жалуется: «Мама, Вася плачет». Мамаша ругается: «Надоели ребятишки. Дуняшка из подвала не вылезает. Навели хомяков...».

Я прядево обделала, Дуня кроликов откормила. Сдали пушнину, набрали товару. Веселее стало жить. Пока я убираюсь, стряпаюсь, Вася на печи привязан. Володя его забавляет. Дуня накормит кроликов, пойдет нарочно зашумит. Я приду, Володя шумит:

- Мама, иди скорее, нянька Васю бьет, «Вася-Васек» обзывают.

Я кладу Васю в люльку, сажусь за прядлку, за ногу привязываю люльку. Одной ногой качаю люльку, другой кручу самопрялку. Качаю и пряду. Володя радуется, ходит взад - вперед. Рубаха красная, сапоги красные, штаны черные. Позовет няньку Дуню - любил песни: «Провожала Ваню мать», «За кирпичики, за веселый год полюбила я Стенькин завод». Пришла Дуня, я говорю: - Дуня, пошарь Володю: какой большой, красивый. А он ходит перед зеркалом, глядит:

- Вон Лодя - красные сапоги.

Пошарила Дуня Володю, говорит:

- Хороший парнишка Володя. Мало таких спокойных. Все лето один дома жил.

Наконец-то пережили мы нужду: То Прасковью - золовку - муж Сергей бросил. Она сильно болела. В одно лето сделали операцию, ничего не помогло. На другое лето повез тята в Рубцовку. Там врач Куклин вылечил. Вот Паша вышла замуж, живут в нашей горнице. Володя как встает, открывает дверь: «Паша, Лекандра дома?» Никандр любил Володю. Его все любили. Яков, как приходит, Володя к нему бежит:

- Рашка на рашка - рупь и барашка,

Шлепает ладонью о ладонь. Яков - то любил барышничать.

Я говорю:

- Дуня, мамаша не хотела кроликов, а мы сколь товаров набрали за пушнину. И ей купили новую рубаху. А то хомяками называла. Я рада - ребятишек нарядила. До лета много кроликов наведутся. Дуня, посмотрела б ты на солнце кролика серебристой породы, такой красивый! И матка венской - голубой, скоро принесет крольчат - она помногу приносит, штук по восемь...

- Сейчас принесет десять, - отвечает Дуня, - Разведем серебристую породу да венскую - голубую, их пушнина дорого ценится.

На другой день приходит Дуня печальная, я спрашиваю:

- Что-то там долго была... Как кролики?

- Самка, на которую радовались, потерялась из клетки. Она должна завтра окотиться.

- Может выскочила?

- Нет. Если б выскочила, она пришла бы ко мне. Она такая смириная.

Загоревали все. Куда девалась? Мамаша говорит:

- Веста Гаранька к Марии Долматовой за водку.

- У него денег и так хватает: собирал деньги на косилку, теперь их пропивает, и кроликов ему не надо.

- Он утром ходил в подвал, - говорит Дуня. Обсоветывали: как Герасим зайдет домой, мы все молчим, ничего ему не говорим. Прожили три дня, и крольчиха нашлась. Пришла Дуня веселая, хохочет:

- Голубая нашлась, ощипанная, сиськи сосанные.

Три дня Дуня с Володей сидели у норы, поили и кормили крольчиуху. Все хорошо.

Дожили до десятого января. Герасима потребовали в Барнаул - обучаться военному делу. А у нас скотины много, корму нисколько нет. Он поехал в Барнаул, а я - за сеном. Приехала - а нашего сена нет - укради. Накладываю из оставшегося, сама плачу. Жалко сена - очень хорошее оно было, луговое. Приехала домой, сказала папаше. Он развел руками: «Ничего не могу...»

Пошла я к нашим. Батя заругал: «Герасим не глядел! Давно увезено?» Братка пообещал искать воров. Нашли. Оказалось, что увезли Долматовы. Пришли из сельсовета, сказали, что воров нашли.

Посмотрела на Володю: он сидит на кровати. Переменился. Я подошла к нему:

- Володя, что с тобой?

Мамаша говорит:

- Ты давно не видела его, ходишь да ездишь. А я ночью заметила.

Он не пускал овечек поглядеть, говорил: «Я опять замерзну».

Я пришла от овечек, пошарила - он горячий.

Утром он лежал, я уехала за кормом, позвала брата Никифора. Показала на поле, говорю:

- Вот какая я несчастная. У вас жила - косилки не было, вручную косили. Купили, а я замуж ушла. И тут погляди - сколько выкосили - целое поле. Васю маленько тут не потеряла. От темна до темна косила.

- Кто тебе виноват. Когда мой крестник Миша помер, мы с мамой приехали за тобой. Ты не поехала, говорила, что за парня замуж вышла.

- А у тебя маруська есть?

- Я возьму, не поладится - разойдусь.

- У меня много женишков находилось. А по мне - все не такие. Харлов Мишка пошел зимою провожать, на руках - мохнатки, мне не поглянулось. Клементьев Колька пошел - опояска спереди завязана, конец болтается. Тоже не понравилось. Может к кому и привыкла бы, да Герасим всем грозил. Давай скорей увязывать, у нас Володя заболел, спешу. Никифор, завтра один съездишь?

- Сегодня-то меня не пускали. Отец говорил: «Не мог Герасим навозить».

- Не хотел батя отдавать за Громова - теперь на каждом деле я виновата. Володя болеет, а у меня нет времени за ним походить.

Приехали домой, свалили сено, убрались. Захожу домой, Дуня говорит:

- Володе плохо.

Подошла я к нему, спрашиваю: «Что болит?» Он ничего не отвечает. Спросила Дуню: «Поила лекарством?»

- Поила, но он плохо пил.

На другой день повезла к врачу. Он сказал, что нет нужных лекарств.

- У меня свои дети болели, так мы вином лечили, вином натирали.

Поболел Володя девять суток. На десятый день утром я пеку топлю, блины стряпаю. Дуня сидела возле Володи, говорит тихонько:

- Ульяна, иди, иди.

Я подошла, он два раза дыхнул и все.

Спасибо: братка Иван был у нас, все управлял. Когда Володя болел, он наведывался. Ему пришлось и хоронить. Громовых никого не было, кроме Лены - дочери Якова.

Привезли попа, хоронили с выносом. Сильный был мороз, несли мужики без шапок. Дядин Егор надел шапку, так батюшка подошел, повязал его платком.

Похоронили, начали Громовы съезжаться. Приехал Яков, зашел, упал на стол, кричал с причитаниями:

- Напоследок я спросил его, где папа? Он отвечал: «На Карьке уехал: раз-два, раз-два», а сам взад-вперед ходит. Я подумал: такие долго не живут, рос по часам, какой был умница...

Мы все плачем. Я говорю:

- Не долго болел, некому за ним было походить. Днем я сено возила, ночь овечек караулила - начали ягниться.

Только Володя помер, положили на стол, папаша приходит:

- Пойдем, Ульяна, овечек заводить.

А мне не мил белый свет. Пришла к овечкам, а их там кишит. Объягнились: три по два ягненка принесли, две по одному.

Приходит мама:

- Я услыхала: вы горюете. Не у вас одних умирают дети. У нас было горе: Ганюшку холстами ненароком удушили. Лежит на лавочке, я погляжу - у нее все тельце исцарапано: в поле сползет с дерюшки на кошенину и ползает по ней, нянчить некому было. Приехал Герасим домой. Ходит по ограде, в дом не заходит. Долго не заходил. Зашел сердитый, будто мы виноваты. Я думаю: «Сколько горя, работ без него перенесла - он даже не спросил».

Позвали меня на собрание. Я с обиды и горя ушла без спроса. За это мне попало.

Ходят соседи, просят:

- Продай Володины сапоги...

- Я их для Васи берегу. Он хорошо начал расти.

Пригодятся.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Дожили до весны, начали организовывать артель кролиководства. Собрались Валеевы, Громовы кроликов вывезти в степь. Но летом была засуха, сена заготовили очень мало. Кроликов опять разделили. Артели не стало.

Герасим, я и Вася осенью поехали в Алтайские Горы, в Приселок, от нас верст 60. Погнали коней - спасать от бескормицы. В горах был лучше урожай трав. Зиму пожили, весной домой приехали. Всего населяли, насажали, хороший урожай получили. Пшеницу убрали, у меня 10 сентября (1930 г.) родилась Вера. Дуня помогает кроликов кормить.

Прожили зиму, весной начали организовывать артель «Пятнадцатое марта». Пошел Герасим записываться в артель. Пришел. Говорит:

- Я зашел, записал: две кобылы, два жеребенка, тридцать маток кроликов. Папаша не стал вступать - его долю оставил ему: коня и всю сбрую.

Увел Герасим коней в артель. Пожили до тепла, повезли кроликов в степь. Герасима назначили заведующим кроликофермой. Дожили до лета. Позвали меня в контору. Говорят:

- Уходите от свекра. Нельзя единоличнику и колхознику в одном доме жить. Нас в районе ругали.

- Куда же мы от своих??

- Переходите за речку. Будете за кроликами ходить: кто ночью, кто днем, как хотите...

Пошла я домой, дома рассказала, что не велят вместе жить. Папаша сказал:

- Я помру - никуда не пойду... А вас благословляю: переезжайте за речку. Домик там хороший, наши, российские бросили. Может вам останется.

Я сидела с Верой, слезы ручьем текли, не заметила, как Вера слезами облила. Так неохота было уходить. Дуня говорит:

- Будем уходить.

Уехали. Плохо было на новом месте. Корова убегала к старому месту. Приходилось через речку бродить - ее искать. Раз натопила баню, вымыла Васю, Вера, нарядила в белое чистое белье. Поглядела - коров погнали. Я говорю:

- Вася, веди Вера домой.

Сама побежала за коровой. Пришла домой, зашла в избу - детей нет. Я - кругом дома - их нет. Я - шуметь, вся дрожу - речка-то рядом - их нет. Побежала за баню, а они сидят, притаились, их не видать - все золой обсыпаны. Они испуганы, а я давай их целовать: «Ой, как же вы меня напугали!». Начала опять их мыть. Мою, сама трясусь - до того напугалась, думала, что они утонули.

Подошла зима, замерзла речка, мне стало спокойней - дети уже не утонут. Герасима опять в Барнаул потребовали. Я говорю: «Лучше бы два года отслужил. А то останусь я в глухой степи одна». Но его на срочную службу не взяли - много иждивенцев, а брали только на сборы.

Заболела у Веры нога. Не стала ходить. Закраснела возле пальчиков и дошла краснота до коленочки. Возила в больницу - не лучше. Пошла я к Марковне. Она посоветовала: «Перевяжи марлей, мочи камфорой». Я послушала и так вылечила. Спасибо Дуне. Она всё нас проводила с подругами. С вечера проходят по вечеркам, в полночь к нам идут, речку переходят у камня, а кругом была наледь, так они разувались и босиком по наледи переходили, обувь берегли.

Дожили до весны. Приехали колхозники с плугами, опахали нашу избу кругом и ту землю, что нам обещали. А нам приказали выехать. Пришел папаша, поглядел: «Вот дети, какой обман творит советская власть.

Сперва дали чужой дом, чтобы разорвать наши семьи, теперь и из него выгоняют».

Хорошо, в это время уехал из села Василий Шипилов. Переехали в его хатенку. Пожили одно лето. Уехал братка Иван Степанович в Алма-Ату, сказал нам: «Занимайте мою квартиру».

Так возвратились мы жить в деревню.

Подошла весна. Соединили нашу артель с другими. Стало в селе три артели. Нашу называли «Красный пахарь». Поехали мы к Дуне, она говорит:

- Мы будем переходить к Прасковье. Она боится своих детей оставлять со старшим сыном: глухонемым и слабоумным. А вы переходите в мой дом, все равно он скоро разрушится, но к тому времени вы и свой постройте.

- Мы будем свою избушку строить рядом с вами. Намучилась я жить на отшибе. Когда жила за рекой, пошла корову доить, детей посадила на печь. Вася наказала держать Вера. Только зашла в пригон, слышу - кричат. Я кинулась бежать, попала под ноги чащина. Я запнулась, упала, сильно ушиблась. Прибежала, Вера висит, Вася держит ее за платье. Оба кричат. Хорошо - платье было холстяное, не порвалось - печь-то высокая. Дунюшка, я долго хвоярала после того ушиба.

Так мы перешли в Громову избу. Папаша жил у нас. Семь раз он ходил в Чарышский район, там жил Алексей, его сын, а мой деверь. Дуня готовила табак, а он носил его, продавал. Помогал Алексею. Последний раз пришел, заболел - дорогой промочил его дождь. Вскорости он помер.

Год прошел, я родила сына, первого сентября. Вася пошел в школу первый раз. Ему было семь годов, Вере - пять. Приходит Вася из школы, Вера встречает, хвалится:

- Мы нашли Саню!

- Я отберу, - бежит он за ней.

Она - ко мне. Он увидел, что я лежу, застыдился и вышел. Парализованная мамаша была повитухой, но мне ничего не помогала, лежала на кровати и говорила, что надо делать: как отрезать пуповину, как ее перевязать. Я все сама управила.

Спасибо, мамаша научила...

Заходит бригадир - Чепуштанов Борис - говорит:

- Ульяна, я зашел за тобой, коней погонять некому на кругу обмолова пшеницы.

Мамаша заругала:

- Бес! Ошалел! Молодица родила, а ты гонишь на работу.

- Простите, я не знал этого, бабушка. Она же отпросилась огурцы солить. Я думал, еще не скоро рожать. Простите.

Бригадир ушел, а мамаша ругается:

- Беси, загоняли молодицу на работу. Ребеночек худенький какой!

Я говорю:

- Мамаша, не ругай. Как говорит Авдотья Егоровна: «Дай, Бог, маленьких родить, больших вырастить». Вася родился плохонький - работала все дни, косила. Ладно, покос близко, успела доехать домой. Погляди, Васины ровесники все меньше. Придет из школы, я погляжу, какой румянный, хороший. Хорошо учится.

Приходит Дуня, говорит:

- Надо вам строиться. Я весною дом буду ломать. Вам будет лес для стройки.

- Говори, Дуня, Герасиму...

- Я ему сказала, но он не хочет строиться. Я вот что скажу - он с девками начал вязаться. А ты скорее построишь, пока деньги есть.

- Дуня, он говорит, что болен, на работу не ходит, продал быка, борова, собирал деньги на курорт. Все лето собирался, не работал, но врачи не дали путевки на курорт. Мне приходится и на работе и дома, тяжело, устаю. Он же днем выспится, я ложусь спать - он поднимается и уходит. Спрашиваю - куда? Отвечает: «Рыбачить». Я поднимаюсь, он ложится, рыбы нет. Я молчала - что сделаешь. Когда я не стала ходить на бригаду, он пошел работать конюхом. Дуня, я Прасковью просила продать мне три стены от дома за две сотни.

Плотники Чеботарев да Ряскин берутся к амбару эти стены приделать за две сотни.

Где запланировала избу ставить, начала копать подполье. Копаю, соседка шумит: «Ульяна, Вера ребеночка несет!». Я выскочила, бегу на встречу, а Вера голову ребенка прижалла к себе, его ноги болтаются. Ей было пять лет.

- Мама, Шура плачет, - и сама плачет.

Построили плотники избу, дед Чебатарев говорит: «Век свой плотникаю, такого хозяина не видел. Поставили хату, ни разу не подошел, не поглядел».

Пришла Прасковья, говорит:

- Я пришла помочь печь бить...

Подготовили место, начали русскую печь бить (без кирпичей, из глины). Меня затрясла лихорадка. На другой день добили. Я вырезала устье, печурки начала вырезать - опять лихорадка затрясла. Я ушла, на другой день пришла, печь высохла, печурки остались недоделанные. С трудом перешли.

Дети радуются. Топим печь, стряпаем пироги. Вера говорит: «Вон папа приехал, пошел в старый дом». Зашел - там пусто. Идет сюда, заходит, посмеивается, дети тоже смеются. Я хотела засмеяться, да слезы из глаз полились. Думаю: «Сколько трудов положила, после родов глину носила на плечах».

Он зашел за стол:

- Давай завтрак.

Позавтракал, лег отдыхать, мы на цыпочках ходим.

Пришла Дуня, говорит:

- Герасим дома?

- Дома. Тише. Он спит.

- Я к нему пришла. Герасим, вставай. Я зашла в свой дом, пошарила в горнице у вас, там хлеба много. На одной стороне пшеница, на другой - просо. Хорошо, Ульяна наменяла на картошку - на два года напаслась. А ты, Герасим, делай закром, некогда отдыхать - зима на носу. Сенцы у вас хорошие - из амбара, в них и сделай закром.

Герасим поднялся, пошел работать.

- Спасибо, Дуня, тебе. Меня он не слушается.
- Я материть его пришла.
- Ладно, Дуня, пусть работает.
- А я пришла еще посоветоваться: куда будем лишнюю картошку девать. Хорошо уродилась. И маралихинский колхоз, что на семена у нас брал, тоже хороший урожай получил.
- Да будем скотину кормить.

Хорошо устроились. Шура растет хороший. Вася учится хорошо.

СНОВА БЕДА

Пошел Шуре третий год, я родила Надю. Была рада, что девочка родилась. Вере - сестра. У меня нет сестры, и мама была одна. Она все говорила: «Плохо одной. Не с кем тайное сказать». И так мы все радовались. Год ей сравнялся, ростом с Шурой одинаковая.

Прошло два года. Однажды пришла с работы вечером - у нас сидит Павел Васильевич - деверьев сын. Говорит: «Тетка Ульяна, я получил повестку. Завтра - в армию».

Поговорили, он ушел, я начала готовить проводы. Уток зарубила, печь растопила. Готовлю, сама думаю: «Дети спят, Герасим на бригаде. Поговорить не с кем». Все обдумала. Как Василий болел, говорил, что когда был на Германской войне, германец отравил его газом, в семнадцатом году. Жена заплачет, он говорит:

- Не плачь, Катя. Я двух сынов с собой заберу, двух тебе оставлю.

Умер. Шесть недель прошло - маленький сын умер.

Когда мы жили за рекой, его сын Виталия к нам часто ходил. Как-то весной стало тепло, речка разлилась. Гляжу я: Виталия бежит поза речкой, на нем фуфайка отцова, рукавами болтает, побежал к нам, обходит по мельничной плотине, что за два километра выше по речке.

Переехали мы на эту сторону. Я думаю: «Виталие близко ходит, а его нету». Пошла к ним, зашла похвалиться, что мол мы - близко. Он лежит, болеет. Рассказали: он затолкал в ушко семечко подсолнуха, оно там проросло, показался зеленый росток. Пришла его крестная, начала жалеть, увидела росток, заругала мать: до чего довели. Выдернула корешок с перепонкой вместе. Ухо воспалилось, и он вскорости умер. Осталось два сына - любители играть в бандуру: Павел и Василий.

Пошла к Дуне. Говорю: «Давай купим племянникам бандуру».

Собиралась возле нас молодежь. Я тоже любила бандуру. Купили. Как заиграют:

Уж вы, сени, мои сени,
Сени новенькие...
А я пьяна и не пьяна,
Всегда я весела
А я ела и не ела,
Но всегда плясать пошла.

Всю ночь я не спала, готовила и все передумала. Утром пошла на бригаду, отпросилась. Первый год в нашем колхозе работал комбайн, Егор - мой брат - был комбайнером, я работала на площадке, мешки завязывала, на бричку забрасывала. Вечером пришли мы с Егором - у нас полная хата гостей. Давно ждут. Мы умылись. Я начала на стол ставить, а Надя бежит за стол. Я взяла на руки, посадила на кровать, дала есть. Она опять бежит - на руках не сидит. Гостей посадили, она никак не сидит. Герасим взял рушник, стебнул ее, сказал: «У нас Шура зовет «бача», мы обзывали ее «бачериха толстая». Гости пьяные, громко захочотали. Надя легла и уснула.

Утром Герасим пошел за вином. Я дома готовила. Управилась. Пошла за Павликом. Вышли от них - Надя навстречу бежит, Павлик взял ее на руки. Она вырвалась, бежит впереди, подпрыгивает, Павлик говорит:

-Хорошая Надя.
Она оглянется на нас:
- Мама и братка идут, идут.
Увидела отца, закричала:
- Папа, папа!
Но он был пьяный, не подошел. Мы ее уговариваем, она упала на землю, кричит. Я подошла говорю:
- Герасим, подойди к Наде
Он меня отматерил и не подошел.
Пришла моя мама, уговарила Надю, положила ее спать, а мы пошли провожать Павла. Пришли, она спит. Утром я рано корову подоила, ушла на работу. Пришла - дети уже спали. Я поглядела Надю, все спокойно. Веру разбудила, спросила:
- Как Надя?
- Весь день спала.
- Ела или нет?
- Обед был на столе, не знаю.
Три дня ходила. Приду - уже спят, ухожу - еще спят.
Бригадиру стала говорить, но он:
- У нас уборка хлебов. О доме не заикайся!
Но я осталась, понесла Надю в больницу, говорю:
- Четвёртые сутки спит.
Фельдшер поставил градусник. Температуры нет.
- Проснется.
Не признал за больную, справки не дал.
- Завтра сама придешь. Такого ребенка несла так далеко.
Муж конюхом - что, не мог привезти?
Отругал меня. На другой день я сходила за справкой, управилась дома, взяла Надю на руки, говорю ей:
- Я пойду на работу...
Она ничего не отвечает.
Приехал Герасим, зашел в избу, спрашивает:
- Надя оздравила?

Она молчит ничего не говорит, поглядывает. Мы по всякому пытались разговорить ее, молчит. Пошла Вера за нянькой Дуней. Надя ее любила. Пришла Дуня. За дверью стояла, звала Надю. Она молчит. Как только Дуня показалась - она обрадовалась, прыгнула с моих рук, зашумела:

- Нанка!

Начала Дуня ей говорить, она молчит. Тут мы убедились, что она не слышит. Я говорю:

- Герасим, неси ты ее в больницу, я не донесу.

Он меня заругал, я заплакала. Понесла в больницу, иду, плачу. Фельдшер говорит:

- Сейчас узнаем, слышит ли она. Начал звенеть, забавлять, она не смотрит. Дал направление.

- Везите в Березовку. Там врач хороший.

Пришла я домой, на мне все мокрое. Надя тяжелая, и меня горе убило. Герасим спит. Я говорю:

- Ты спиши, завтра надо Надю везти...

Отдала ему направление. Ушел. Утром приехал на бричке, сидит за воротами. Я начала Надю одевать. Одела. Он не заходит. Я вышла в сенки, он меня не видит. Соседка стоит, на него смотрит. Он ей говорит:

- Она уедет, ты приходи...

Заходит, я ему:

- Кого ты зовешь, Герасим? Ты же едешь?

Он сурово поглядел:

- Нет, с тобой поедут трое больных: Таисья, Марина, тетка Акулина.

- Как же я буду конями править?

Села на бричку, подали мне Надю, взяла вожжи, поехала собирать больных.

Приехали в Березовку, ночевали у моей сродной сестры - Матрены. Надя всю ночь кричала, никому спать не дала. Понесла утром к врачам. Они сказали:

- Будет слышать. У нее с расстройства - воспаление мозговой оболочки. Израстет - будет слышать.

Поехали домой, Надя кричит, вырывается. Мои больные начали мне подсоблять, коней править, Надю держать. Остановились, коней поставили на дорогу, она бежит назад - думала, что мы дальше от дома едем. Так кричала всю дорогу.

Так прожили год. Много слов она забыла. Заболели Шура и Надя корью. Шура скоро оздоровил, а на Надю навалилась другая болезнь. Я гляжу на нее - у нее лицо переменяется: то красное, то бледное, губы темнеют.

Я пошла в больницу, пришел фельдшер, принес капли и мази и сказал: «У нее - рак».

Я намажу губки - она ревет. Герасим был дома. Я говорю:

- Уходишь - простись с Надей, ей плохо...

Он подошел, она как шлепнет его по щеке.

- Вот, дочь, простила...

Вечером Надя померла. Напоследок я поплакала: «Милая дочка, отмучилась, и меня отмучила». Иду на работу - она кричит, с работы иду, она кричит. Голос звонкий - далеко слышно.

Вздумала я парализованную мамашу взять, надоело Дуне и Прасковье три года из рук кормить. Взяла, начала ходить за нею.

В О Й Н А

На другой год поднялась война. Герасима и всех мужиков взяли. Работать некому. Вызвали меня в контору, говорят:

- Отдай свекровку дочерям, а то сено заберем, хлеб не дадим, который заработали. Он же останется неубранным.

Пришла я домой, рассказала свекровке. Она заплакала. Пришла Дуня. Рассказала и ей, она говорит: «Моя такая доля...»

Натопили баню, повезли на тележке мамашу, вымыли, увезли к Дуне.

Я пошла на бригаду. К осени на бригаде остался один мужик - Анисим Радионович. Бабы горюют, пригон загородить и то не умеют. Я говорю:

- Понежились вы за мужиками, а я что тогда все сама делала, что теперь, поэтому не очень горюю.

Начали с Анисимом колхозный пригон городить. Наплели плетней, нагородили. Рожков Дмитрий ходит помимо каждый день:

- Скоро загородите, Ульяна Степановна, теперь будешь чабаном. Я договорился с правлением. Мои чабаны на фронт ушли, а у меня такой же фронт, тысяча голов, никто не хочет пасти.

Посоветовалась я с Васей, Верой. Начала пасти. Вася и Вера учились в школе. Вася говорит:

- Седьмой класс не учат. Гоняют по чужим колхозам на сельхозработы. И грамоте не учат, и трудодни не начисляют.

Приехал бригадир Яковенко Максим, уговаривал:

- Поедем на ферму работать учетчиком. И трудодни будут, и грамоте будешь учиться.

Поехал Вася учетчиком. Проработал год. Там одни девчата. Волки начали телят резать. Ветеринар и председатель заставили писать акты. Он пишет: «Теленок масти красной съел волка масти серой». Они, не читая, повезли в сельсовет. Их там высмеяли, наругали. Раз-два он так пошутил - его выгнали с учетчиков.

Два года я чабаном проработала. Надо было конопли мять для пряжи - носили-то все самотканное. Начала у Рожкова проситься. Он говорит: «Пущай Василий гонит овец пасти». Погнал, с ним Нюрка Лопатина. Она злилась, когда я оставалась дома.

Весь день я не отходила от мялки - мяла конопли. Вечером гляжу на гору - должны гнать овец. Вот вижу: овцы бегут не табуном, а одна за другой. Растворились на горе. Чабаны сзади идут. Я пошла встречать. Подошли, говорят: напали волки, разогнали овечек, много порвали. Подошел Рожков, говорит: «Половина овечек нету». На другой день поехали собирать. Никто не знает, сколько потерялось.

Рожкова сняли, поставили Лопатина. Проработали зиму, нет у нас совета. Подойду к его дочери - она повернется задом. Я ухожу, думаю: «Герасима нет, он воюет, а она из-за него злится. Половина овечек волкам стравила...»

Подходит весна. Коней никто не хочет принимать, за плугом ходить. Пошла я в контору, говорю:

- Не хочу чабаном, давайте мне коней и плуг, буду пахать.

Пошла я на бригаду, дали мне коней, плуг. Я пашу, Василий тоже плугарем, мне помогает. Пашем вдвоем. Бабы говорят: «Вот вы взялись, с сыном хорошо пахать».

Кузнец часто к нам приезжал: плуг направить, лемех поточить. Бригадиром была солдатка. Они познакомились. Однажды вся бригада собралась на обед, а Василий при всем народе говорит: «Кузнец с нашим бригадиром в ригу спрятались...». Все засмеялись, а я куда б делась от стыда.

На другой день собрала бригадир совещание и погнала на Ваську: «Не так запряг, не так вспахал». Я думаю: «То хвалила, а как посмеялся - плохим стал...». Пошли домой, я иду плачу.

«Теперь не будет добра. То на ферме просмеял руководство, теперь - на бригаде».

Что с фермы ушел - я не жалею. Далеко она от села. Продукты пошлешь - за дорогу съедят, Василий голодный.

Все время Вася меня сокрушает. То у отца таскал боеприпасы. Тот их много накупил, но уехал на войну. Начали у него выманивать боеприпасы друзья. Я спрятала порох, ушла на работу. Весь день промучилась, думаю: «Вдруг на этом месте дети костер разожгут, или еще что и взорвут». Приду, выкопаю, перенесу, в другом месте закопаю. Опять всякие мысли. Наконец собрала все капсюли, порох, дробь и отнесла к бате. Но и там начали таскать. Хотела уж в речку бросить, да боюсь: придет муж с войны - попадет мне.

Пришла домой. У нас сидят Дуня и батя.

- Я шла, подругам говорила, жаловалась, теперь и вам пожалуюсь: с Васюшкой замучились. Напала бригадир - Стешка.

- Это не все горе. На войне - больше горя. Ивана поранили, - говорит батя. Посидели, погоревали.

Подхожу утром к бригаде. Вася бежит, встречает завтрак, есть хочет, всю ночь работали. У меня погонщицей была Нюра Рожкова. Вечером начали отпрягать. Нюра говорит:

- Теть Ульяна, я бичи потеряла. Всю весну я их прятала под пласт. Сегодня подняла пласт - а их там нет.

- Нюра, веди коней в бригаду, я пойду домой. Иди через речку нельзя - половодье, а по мосту далеко обходить. Ох, Нюра, я совсем не могу. Много сегодня вспахали. Руки, ноги дрожат. Посижу немного да пойду.

Села на плуг, думаю: «Младость да старость с плугом».

- Садись, Нюра, на вершни, я подам тебе поводья. Веди всех коней на бригаду. Темнеется, я пойду домой.

Дошла до моста. Темно. Редко огни видно. Люди не жгут лампы - керосин экономят. Иду по переулку домой, осталось три дома. Смотрю - кто-то на дороге стоит. Думаю: «долго в нашем kraю не спят». Подхожу - стоит Марфа Гетманова. Говорит:

- Ты не знаешь своего горя. Герасима убили.

Я сразу крикнула, больше ничего не поняла. Дохожу до дома, за бок держусь, не могу идти. Слышу батя Марфу материт. Доходит до меня, говорит:

- Не верь никому.

Зашли к нам, у нас полно народа. На столе постелена белая скатерть, на скатерти лежат бумаги. Берут, читают. А батя всех забивает.

- Неправда, письма от Герасима были позже.

Я говорю:

- Прочитайте мне.

Батя не дает читать и плакать. Я говорю:

- Откуда послано?

Начала Вера читать, сама плачет. «Город Сычевка, деревня Сабочевка подо Ржевом. Я, Рая, работаю секретарем сельсовета. Мне семнадцать годов. Когда наступал немец, мы уходили в лес. Неделю жили в лесу. Наши набрали силы,

угнали немцев далеко. Мы вернулись в свои дома. Наш дом был разбит, и лежали семеро убитых, наших бойцов. Я документы все разослала, и бойцов похоронила. Что могла, то сделала. До свиданья».

Покричала я, попрочитала: «Мои милые детушки, осиротели мои пташечки у своего гнездышка»

А батя так спорит: «Неправда!»

На другой день пришел гонит меня в сельсовет - там узнают. Пошла я, мне сказали: «Это не верная похоронка. Похоронная не такая! Не горюй, твой муж живой. Я рада. Сама болею. Зашла в больницу. Дали справку, лекарства. А я уже идти не могла. Шла мимо пожарки. Увидел пожарник, сказал

- Посиди. Я коня запрягу.

Поехали, он все расспрашивал, я ему все рассказала. Он говорит

- Я давно к вам собираюсь, хочу Василия посватать работать пожарником.

Я отвечаю:

- Ох, Андрей Павлович, не годится он пожарником. Надо народ утешать, а он такой баловный. Я с ним нагоревалась. В школу не стал ходить. Овечек погнал - волкам потравил, на ферме - девок просмеял, написал, что телята волков съели.

Раз я иду поздно с работы, Марфа Гетманова вышла на дорогу, говорит:

- Что ты долго, тебя ждали. Шипилов Федот сказал: «Завтра в сельсовет поведу Громову». Я сразу охнула. Ни разу, никто не водил меня. Да из-за чего?! Зачем?!

- Твой сын Василий молоко пролил.

Я пошла, заплакала. Нашла большую палку, захожу в избу. Хотела ударить, подняла палку на него, а он - под палку и убежал. Вера говорит:

- За что его бить?

И все рассказала.

- Ладно, зовите его, будем ужинать.

Пошли искать. Темно, я шумела, по садику ходила: «Вася! Вася!» Пришли домой. Я говорю:

- Вера, Шура, ужинайте. Я пойду к нашим.

Вера пошла в кладовую - дверь не открыть. Зашумела. Я подбежала - там Васютушка. Я так была рада!

Утром пришел Федя. Я заругала, наливая ему молока: «Дочери ваши женихов приманивают, а вы - в сельсовет».

Вот какой работник.

На бригаде Стешку подсмеял, она обозлилась, мне житья нету.

- Ничего, как-нибудь справлюсь с ним!

- Ох, спасибо, Андрей Павлович, не обижай его только, да и воли не давай...

Пошел Вася пожарником. Приедет домой, хвалится. Приедет Андрей Павлович - тоже хвалит: хорошо работает.

Подошла зима, пимов нету. Я всю деревню прошла - пимокатов нету.

Когда я была небольшая, у нас катали пимы пимокаты. Я видела круглые пластины и как на них накладывали шерсть.

Легла спать - никак не усну - все вспоминаю. Поднялась, начала настилать шерсть. Всю ночь катала. Утром начала складывать - никак не могу сложить. Все сложила в скатерть, пошла к Осиповне. Она лежит на печи, болеет. Я расклала все на столе. Она рассказывает, я складываю. Сложила на один валенок, пришел ее зять - Петр Максимович:

- О, у нас пимокат работает.

Я ему все рассказала, что не могла нанять детям валенки покатать. Он поглядел, повалял руками. Говорит:

- Хороший валенок будет. Закатывайте другой. Я вечером приду, погляжу.

Он ушел, я начала другой складывать. Закатала. Петр Максимович пришел, поглядел, похвалил.

Пришла я домой, начала катать. Утром пимы были готовы. Высохли. Приехал Андрей Павлович, поглядел, говорит:

- Мне скатали плохо, а цену взяли хорошую. А у тебя хорошие получились. Я достану кислоты тебе. Начинай Василию катать.

Я была рада. Наказала Василию, чтобы помогал катать. Целые сутки катали. Высушими.

Пришел батя, похвалил. Вера тоже в новых пимах ходит. Стали нам завидовать. Вася пришел из пожарки, говорит:

- Меня там разули, пимы мои глядели. Дядя Андрей всем рассказал, что мне мать скатала хорошие пимы. Все завидовали.

Пожили, поработали. Начали кожу выделывать. Подойдет весна - обувать нечего. Задумала я шить сапоги. Колодок, шильев, наколючек нету. Нечем и сапоги мазать.

Пошли мы с Дуней в Алтайские горы, в Бащелак к Денисовым. В горах не было соли. Повезли мы целый мешок, взяли масла. Дошли до нашей фермы, заболела у меня нога. Я решила не говорить Дуне. А то заставит воротиться.

- Дуня, фермы нету. Одна постройка. Сторож топит хатенку. Дуня, зайдем, покурим.

Зашли. Дуня курит, я молчу, коленку завязываю потуже. Пошли, стали доходить до Лопарей, я говорю:

- Дуня, хотя бы дойти...
- Что с тобой?
- Нога болит.
- Ты не вези санок, я одна повезу.

Дошли. Тут у меня сватья была. Зашли. Она болеет. Есть нечего. Начали ужинать. Мы маленько дали мяса. Поговорили, я расспросила, как живет Акулина Устиновна - моя бывшая сноха.

Утром поднялись, пошли голодные. Я говорю:

- Зайдем позавтракаем к Чепуштановой Лукерье.

Зашли. Лукерья убежала по делам. У нее две зыбки, двойнята. Я говорю:

- Давай, Дуня, обедать скорее.

Вынули из сумки продукты, начали есть. Вдруг из-под пола вылез огромный кот. Начал кидаться то на Дуню, то на меня, из рук пищу вырывает, за рукикусает. Мы напугались.

- Пойдем скорее...

Вышли, говорим:

- Плохо ходить зимою, голодное время, поесть нельзя.

Дошли до Красных Орлов. Зашли к одним. Вижу - сидит старушка. Я спросила: «Пусти, бабушка, заночевать». Она говорит:

- Откуда это вы?

- Из Усть-Козлухи.

- Березовка от вас далеко?

- Я родилась в Березовке.

Хорошо нас приветили. В Березовке мы были соседями. Утром позавтракали, пошли дальше. Дорога пошла плохая. Там три горы, гора на горе. До обеда шли на одну гору. Стали спускаться, еще хуже. Санки не удержать, накатываются, по ногам бьют.

Сосновку прошли, подходим к Куранихе. Начали спускаться, гора длинная. Дуня санки материт. Замучали они нас. Я сяду, покачусь, Дуня не видит, куда идти. Были большие санки - сели бы вдвоем. Дуню посаджу, боюсь - уедут в речку. Пустили санки одни, покатились они и пропали из виду. Идем, горюем. Навстречу едет обоз на конях, на быках и на коровах. Смеются обозники:

- Мы вашего коня остановили...

- Спасибо вам.

Дошли, взяли санки. Я поглядела - по дороге насыпана сухая картошка. Дуня везет санки, я собираю. Набрала полные рукавицы, карманы. Идем, едим. Дошли до Куранихи. Спросились ночевать, зашли. Есть у них нечего. Я насыпала на стол картошки. Хозяева были рады. Мы спросили:

- Где дегтя можно купить?

Они нам рассказали. Утром пошли, зашли к пасечнику, говорим:

- Мы пришли с равнины. Хотим купить дегтя на масло.

- Нет, нету у нас дегтя, - с недоверием нам отвечают.

Мы пошли дальше. Доходим до Ивановки, догоняет нас старуха. Подождали. Гляжу - она несет дегтя три литра. Вылили деготь в банку, отдали масло. «Спасибо», - сказали и радостные дальше пошли.

Пришли в Бащелак к няньке Степаниде. Она как раз стряпала:

- Ох, моя сестрица Дунюшка! И сношенька Ульяна! Мои дорогие! Вздумали нас попроведывать!

- Мы так рады, что дошли до вас! А погнала нас из дома нужда. Обошли все деревни. Картошку мороз убил, хлеб весь на фронт забрали.

Садимся за стол. Я достала бутылку самогона-первача:

- Федор Яковлевич! Нам надо инструмент сапоги шить, помогите нам, Вы такой мастер!

- Готового у меня ничего нету. Поживете подольше - я все сделаю.

Выпил, начал делать. Неделю мы у них жили. Я ногу лечила. А Федор Яковлевич всего наделал: и колодки, и ножи, шилья. Племянница Наля настряпала в дорогу драников. Наказала:

- Идите через Чарышское, а дальше - по Чарышу, там дорога ровная. Зайдете ночевать к моей знакомой.

Простились мы, поблагодарили Федора Яковлевича, поклонились и пошли. Дошли до Чарышского, зашли к Налиной подружке. Она такая приветливая. Я пожаловалась:

- Нога болит, неделю лечила - лучше не стало.

Добрая хозяйка подала мне шерстяную нитку, сказала: «Перевяжи». Сама пошла на работу. Утром пришла, мы начали собираться уходить, она не пустила:

- Я завтрак сварю.

Мы задержались. Я говорю:

- Спасибо вам, я боли в ноге не чувствую.

Она принесла из сенок вилок капусты мерзлой, покрошила, скипятила, посадила завтракать. Мы не стали есть, мол еще рано, видим: она хочет угостить да нечем.

«Спасибо за ночлег, за лечение, мы пойдем!».

Пошли по Чарышу. Дошли до Пустынки. Зашли к моей сродной сестре Ольге. Хорошо нас встретила, в бане вымыла, пивом напоила. Много горя она перенесла. Все не опишешь. Работала в детяслях заведующей. Погнали на уборку хлеба. Прачка корыто поставила, а сама тоже ушла. Ребенок полез, корыто опрокинулось, ребенка прикрыло. Корыто было тяжелое из лиственницы. Вечером пришли, начали искать. Нашли, ребенок был мертвый. «Не знала я, на бригаде была всю ночь».

Утром Ольга пошла, запрягла коня, довезла нас до Маячки. Простились с ней, пошли дальше пешком. Начался буран. Я говорю: «Дуня, скорей пойдем, буран начинается, нам бы успеть спуститься в Устиновку».

Добежали до Устинова лога, по нему вышли к краю своей деревни, буран полепил такой, что дороги не видно. Пришли домой, смотрю в окно - батя бежит, мой желанный. Пришел, говорит:

- Я об вас горевал, такой буран поднялся, в такой и здоровые мужики блудили и замерзали.

- А мы хорошо сходили, что думали - принесли.

- И у нас радость - сын Егор из госпиталя после ранения скоро приедет.

На другой день брат Никифор приспал мне деньги (он был офицером) - двести рублей. Я пошла, получила на почте. Зашла на пожарку.

- Андрей Павлович, дайте коня ехать за картошкой в Березовку, брат денег приспал.

Он говорит:

- Немного помешкайте. Пришел план на сдачу картошки. Последнюю заберут.

Правда, только дошла домой - гляжу уже посыльный. За мною: «Иди в контору». Пошла. Там людей полна контора. Мне говорят:

- Подпиши, что столько картошки сдашь!

- Я сама завтра еду покупать. Всю картошку мороз убил. Они ругают, всяко приставляют, повели в сельсовет, там еще больше ругают.

- Подпиши!

- Я не буду подписывать, детей голодом оставлять!

Держали меня до полночи. Пошла домой - они вслед шумят: «Придем - всё выгребем!»

Я пришла, залезла в подполье, начала копать ямку, отбирать картошку на семена. Засыпала семена, заровняла, досками застелила. На доски поставила четыре колодки пчел.

Утром приехали, я сказала:

- Добровольно насыпаю свеклы.

С Васей договорилась:

- Поеду в Березовку покупать картошку, а ты приедешь за мною.

Приехала к сестре сродной. Дочь у нее работает бухгалтером, всего дополна. Пошла к соседу, набрала картошки. Говорю: «Хорошо брат Никифор помог - прислал денег. В прошлом году тоже надо было покупать картошку, а не за что. Начал Вася санки делать, нагнул полозьев семь пар. Время нету доделать. А назавтра едут в Колманку. И нам бы с ними до Камышинки доехать. Пошла, позвала брата Егора. Он пришел. Я всю ночь топила печь, а они с Васей вязки парили, загибали, санки доделали. Утром поехали мы с Верой. Доехали до Камышенки с транспортом, а транспорт - одни девчата. Ночью волки заели кобылу - Лысуху. Девчата кричат, плачут и нам - неприятность.

Пошли по деревне с санками. Три дня ходили. Едва променяли, всю Камышинку прошли. Возвратился обоз с Колманки, и мы с ним доехали до дома. А с деньгами-то как хорошо - сразу накупила.

Пошла по гостям. Всех обходила. Васю жду, его нету. Всю родню поправедывала - его нету. Прожила неделю, другую. Начало таять. Я в пимах. Думаю: «Что-то дома случилось». Клашка говорит: «Живи тетя. Больше может не придется погостить...». Я дождалась мороза, вышла затемно. Пошла до-

мой. До Камышинки дошла - солнышка не было. До Марушки дошла - а она уже разлилась по всему лугу. Я в валенках побрела. Так и брела до села. Зашла к Затонских Федоре. Хозяйка лежала больная. Я села рядом, начала разуваться, не могу снять валенки. Манька подбежала, помогла, разула. Ноги стерты до крови. Я рассказала Федоре про всю родню. Дала мне Манька Гришкины тапочки. Я обула, пришла домой, легла на печь. Заходит мама, увидела меня, обрадовалась. Я показала ноги, заплакала. Она говорит:

- Я Ваську посыпала, но пожарник не пускал. Дела какие - то у них были.

Пришел Вася, мама его заругала:

- Погляди, мать ноги решила...!

Вася говорит:

- Зачем шла, родни много, жила бы...

- Могла бы жить, да думаю, что дома что-нибудь случилось. Картошки накупила, оставила у Клашки Анненковой. Когда поедешь - спросишь, она работает бухгалтером, ее все знают - тебе покажут. Вода пройдет, поедешь.

Привезли картошки целую бричку. Теперь я не горюю. И брат Егор помогает - его уже на фронт не берут из-за ранения ноги. Его поранили в первом же бою.

Сколько прошло времени - померла тетя. Пошли хоронить, и Егор с нами. Я радуюсь, что хоть Егора дождались. Схоронили тетю, пришли, начал Егор рассказывать, как на фронте виделся с братом Никифором: «Получил письмо - Вера писала адреса всех. По адресу вижу - где-то рядом Никифор. Мы были на отдыхе. Я отпросился у офицера и побежал. Бегу, спрашиваю:

- Где Валеев?!

- Здесь, рядом, недалеко.

Увидел, лежит мой брат на сене. Подошел к нему, он говорит:

- Что это - сон?

Обнялись, долго стояли, говорили, так нечаянно встретились. Скоро нас разогнали. Потеряли друг дружку. Меня поранили - послал из госпиталя домой письмо, а меня тут же в другой госпиталь перевезли. Лежу, думаю: «Никто не знает, где я». Смотрю - показалась голова черная. Не сплю, а во сне вижу опять брата Никифора. Точно, подходит он:

- Да как ты узнал, где я?

- Вера мне написала.

Вот моя дочь, домашность вся на ней, и всем письма успевает писать, и в школу ходит. Мы с Васей все время на работе.

Пятого мая умерла мамаша. Я позвала Гришу копать могилку, Васю - гроб делать. Косинов Валя и мы с Гришей начали копать могилу. Я покопала, села на свекорову могилу, плачу, причитаю:

«Родимый папашенька, у нас большое горюшко: от твоего сыночка, моегомужа Герасима нет ни письма, ни весточки.»

Беру лопату, копаю, опять вылажу, ребятишки копают. Я подхожу на могилу к деверю:

«Добрый мой деверек Василий! Проводили твоих сынов. Павел пишет, а от Василия, как проводили, ни одного письма не получили. Потерялся без вести».

Сначала копали - талая земля была. Пошла мерзлая. Докопали до чьего-то гроба.

- Ребята, гроб не трогайте. Будем копать помимо.

Я вылажу, они спускаются. Им охота поглядеть. Косинов ударил лопатой по гробу. Как бабахнуло! Воздух спертыЙ, вредный. Пошли домой. Валя заболел. Едва пришел, три дня болел. А я горевала: «Буду я виновата...»

Кончилась посевная. Наварил колхоз пива. Объявили, чтобы шли за пивом. Я пошла. На рабочего давали по литру. Дали мне два литра. Я занесла Василию в пожарку. Его нет, уехал. Я поставила бидон, наказала: придет - выпьет. Ушла. Вечером ждала. Утром управилась, надо идти на работу - Васи нету. Я загоревала. Вышла, поглядела - едет на верши. Слезает с коня, я думаю, наверно пьяный, шатается. Я навстречу:

- Вася, ты что такой?

- Я вчера уехал утром, до се не ел.

- Ах, мой сыночек, а я тебе пиво унесла вечером. Все гуляли, а ты, мой сынок, страдал...

Я поглядела - у него ружье с кругом.

- Зачем ездил?

- В Карпово за автоматом, оружием, нас будут учить воевать.

Наставила ему завтрак и пошла на бригаду работать. Иду, сама думаю: «Хорошо, что я кожу с бычка выделала. Егор пришел с войны, пошил сапоги, а то были босиком. Теперь Вася можно учиться - сапоги хорошие - вытяжки. Иванов к осени другие сошьет».

Пожили, поработали, потребовали новобранцев. Проводили Василия на сборы в Партизанский сельский совет, горюем, что такие молодых, 28-ой года рождения начали призывать. Поучили их месяц на сборах, получил Вася повестку - на фронт. Всю ночку не спала. Хорошего хлеба не было, из колхоза дали овсяной муки один килограмм. Я накладала творогу, настрыпала шанюшков. Утром пошла к Ефрему - коня просить. Коня дал, а сбруи нету. Собирала по домам ходила. Запрягла маленькую тележку. Пришла ко мне Мария Асташиха. Ей коня не дали. Просит:

- Возьми меня.

Я ей :

- Тележка маленькая.

- Ну хоть сумочку положу...

Поехали, едем, говорим, вспоминаем какие были балованные наши дети.

Еще в детстве Вася вздумал из дворовой собаки сделать домашнюю, начал запирать Борзю в избе. Он нагадит, я вечером уберу, на другой день - опять.

Один год одолели нас крысы. Кто-то научил: поймать крысу, опалить ее и отпустить. Мол она уйдет и остальных уведет.

Однажды возвращаюсь я с работы, слышу громкий смех Васи в избе. Думаю: «Погляжу, что его так веселит» Смотрю в ок-

постреляться». А теперь жалко. Замучили эти боеприпасы нас. Брось последние в воду!

Дожили до осени. Вася пасет коней. Ночи темные. Волки нападают каждую ночь. Правление приказало загонять в пригон коней. Он загнал, пришел домой, легли спать. А мне не спится. Слышу: кони ржут. Я вышла, дождь идет, темно. Пошла на пригон. Смотрю - вороты открыты. Обошла все сараи, ни одного коня не нашла, чтобы верхом съездить, табун найти.

Пришла домой, затопила печь. Завтрак готовила. Надо Васю будить. Как жалко! Намучился. Начала ему одежду чинить. Пуговицы пришивать.

- Подымайся, сынок, завтракай, да ищи коней, они ночью ушли.

- Да я хорошо завязал вороты, не должны были сами развязаться.

- Вороты были открыты. Знать по злу кто-то открыл. Лошади, видать, ушли на бригаду. Через речку в брод не ходи, иди через плотину мельницы.

Он завтракать не стал - убежал. Развиднялось... Я ушла к амбарам работать. Весь день думала. «Что то там у Васи?». Вечером пришли, спросила Веру:

- Вася был?

- Не знаю, я в школе была. И Шура не видел. Пока говорили, приходит Вася.

- Вась, ты ел?

- Мамушка, я не ел.

Я обомлела:

- Что случилось-то?

- Я обошел по мельнице. Подхожу на бригаду, и кони тоже подходят. Гляжу: Зимовку волки гонят. Она увидела меня, бежит ко мне. А у меня даже палки нет. Я заскочил на столовую бригады. Там чувал сложен из кирпичей. Я сам шумлю, кирпичами бросаю в волков. Они - какие за морду, какие сзади рвут. Долго бросал, едва отбил.

но, а он достал семена тыквы, залез на стол, крысы вокруг, и он им бросает семечки. Они дерутся, ему смешно. И паленая крыса там же. Все семена потравил.

За долгую дорогу (тридцать км) все их проделки вспомнили. Доезжаем до них, они увидели - бегут, радуются. Мы заплакали.

- Что вы плачете? Мы завтра сдаем экзамены и поедем домой.

Ночевали мы, на другой день смотрим как они сдают экзамены. Вышла из клуба знакомая мне акушерка, говорит:

- Твой сын сдал на «хорошо» на санитара. Молодец!

Вечером мы поехали домой. Приехали. Вера и Шура радовались: «Вася приехал!». В пожарку он не пошел, скоро опять на сборы заберут. Пошел на бригаду конюхом.

Однажды я вязала снопы, заехали жать овес у самого села. Вижу, бежит Ряскина Аксинья: «Сватья, пойдем, Лопатину поведем, твой крестник Анатолий застрелился».

Подошли к Лопатиной. Взяли ее под руки, она никак не идет, тащим, она легла на брюхо, тянем из всех сил. Подошли, смотрим - её брат лежит обгорелый с раной под левой грудью. Нюрка говорит: «Это он не сам, его застрелили. Подъехал милиционер Власов. За ним Шура на бригаду сбежал. Он сел, долго смотрел по сторонам. Натолька лежит, в ногах ямка, у ямки ружье. Власов посмотрел в ямке - увидел перебитого ужа. Говорят:

- Вот что случилось. Он ударил ужа, ружье выстрелило. Дуло - напротив сердца. Кто такого же роста?

Вера вызвалась. Она ходила с бабушкой косить сено литовкой. Он примерил, точно - напротив сердца.

Повезли Натольку домой. Я нагрела воды, обмыли. А одеть не во что. Кроме сгоревшей, одежды не было. Я нарывала цветов мальвы, укрыла его.

Собрались соседи, я с ребятами выкопали могилу, склонили.

Пришел батя, говорит:

Вот мой грех, Стали у меня воровать твой порох, все капсюли вытаскали. Я осердился, говорю: «Что б вам всем

Чувствовало мое сердце. Не спала всю ночь. Прибавилось матери работы. Каждое утро воды грею, иду на конюшню, промываю раны с марганцовкой. Бедная Зимовка! Задние ляжки все изорванные. А она такая умница! Стонет, на нас глядит. Она была лошадь рабочая, удалая. До войны на ней работал Василий Васильевич Харлов. Я за ним каждое лето было снопы вязала. Он работал на самосброске, каждый год был ударником, получал премии. Я тоже была. За ним вяжешь - не будешь. Как кругом начнет гонять, до двух с половиной тысяч снопов навязывала за день.

Всё-таки вылечили Зимовку. Поправилась, начала опять работать.

Были и радости. Однажды работала на бригаде, день молотили, вечером повезла зерно в амбар. Было уже темно. Подъехала к амбарам, начала выгребать зерно из ящика подходит сторожиха.

- Скоро выгребешь?

- Скоро. Подай веник. Ты что, проверяешь, чтобы зерно в ящике не оставила?

- Нет, я подошла заставить тебя поплясать.

- Я уже наплясалась, весь день молотила, нагребла ящик, а теперь выгребла. Она подала мне вожжи.

- Поезжай домой.

- Что ты посылаешь домой? Мне коней еще отводить на бригаду.

- Наверно, что-то есть. Письмо пришло от Герасима.

Я начала плясать в ящике. А народу было много. Бросили веять, бегут:

- Ульяна Громова с ума сошла - пляшет в ящике! Ты что делаешь? Ящик разобьешь!

Завтраком говорит:

- Пущай пляшет - от мужа письмо пришло, а в сорок втором получили похоронку. А теперь какая радость! Поехала домой. Захожу - самой не верится - «Может, - думаю, - обманули». Открываю дверь, Вера и Шура сидят за столом -

учат уроки. Увидели меня, сразу поднялись на ноги и в один голос кричат:

- Вот от папы письмо!

Прочитали. Я поехала на бригаду - отводить лошадей, сама думала: «Где он был так долго, не писал письма». Всего передумала, пока ехала. Приехала на бригаду, меня встречают, поздравляют:

- С радостью, Громова!

Я рада, что дети обрадовались.

На другой день собирались все вечером. Вася приехал, начали писать письмо отцу. А тут заходит бригадир - Степанида, говорит:

- Василий, вези пакет в район!

Я собрала ужинать, он не стал есть: «Приеду - поем». Я ждала до полночи. Приехал.

- Почему долго?

- Деньги считали.

- Это в пакете были деньги?

- Да.

Он поехал отчитываться, а я опять горюю. Никто не едет - боятся беженцев. А мой сынок никого не боится. Утром пошла к амбару работать. Вечером подъехал учетчик, спрашивает:

- Где твой сын - конюх, кобылу волки съели на большом лугу. Мы поехали сено обмерять - напугались. Остальных лошадей пригнали домой.

- Он же с пакетом ездил в район, приехал в первом часу, дорога плохая.

Опять мне беда. Пошла домой, зашла к своим - Валеевым.

- Опять мне горе. Ваську послали в район, а тут из его табуна кобылу волки съели.

Они меня заругали.

- Ничего ему не будет!

Пришла домой. Сидим, горюем. Вот он, Васька, заходит, смеется.

- Ах ты, Вася! Тебе смешки, а я горюю! Говорят, там беженцы, а ты всю войну ездишь...

- Беженцы, мам, в нашем саду, да в нашей забоке. Я пошел рубить дрова - Пашка Герасимов вышел, попросил табаку. Я насыпал, он ушел. А Гриша Харлов картошку по огородам ворует. В степи они не живут, там им делать нечего.

- А тут кобылу на большом лугу волки съели.

- Меня же не было. Где же я один догляжу коней. По всем бригадам до войны было пять конюхов.

Вера с Шурой зашумели:

- Вот правда, мы говорили, что в нашем саду беженцы, мама не верила.

- Почему не верила? Я сама знала. Васю заставила готовить дрова. Вот он и увидел.

Каждый выходной Василия начали обучать. Вера пожелала конюшить. Васю проводила на сборы, Вера ушла. Я тоже ухожу, наказываю:

- Шура, гляди за скотиною.

Выходя со двора, Вера навстречу бежит, вся в крови:

- Меня Серуха укусила!

Я поглядела: бровь у неё вырвана.

- Вот, наконюшила!

Пошла я в больницу, там выходной. Пошла на работу. Веялку кручу, сама плачу. Жалко Веру, будет с пороком: «И на войне проливают кровь: три моих брата и все раненые, и муж. А тут еще и дома раненые. И когда все это переживем!»

Дождали весну. Я работала огородницей. Вася конюхом. Опять волки жеребенка съели. Опять горе. Мы ходили всегда на бригаду обедать. Сегодня никогда, работы много, не пошли. Работаем, подъезжает бригадир, заругал:

- Мы вас ждали на митинг! Война закончилась!

А мы не верим. Бригадир уехал. Мы обалдели, не поверили. Пошли на бригаду. Нам сказали:

- Правильно! Кончилась война!

Мы пошли домой. А дома ребятишки радуются. Вера из красного платья сделала флаг и повесила его над крышей избы.

Сами бегают, подпрыгивают, до чего же были рады! Я на них глядела, сама думала: «Вот война наделала много горя. Наши радуются. Хотя все раненые, но остались живы».

Выедем на бригаду, кто радуется, а кто плачет. Закончили посевную. Дали три дня отгулов. Вася приехал домой наверши, просит:

- Мама, пусти погулять. Посмотри за конями.

И его товарищи и девчата просят.

- Теть, пущай погуляет.

Села на вершни, поехала. Три дня поработала, коней пасла, пестерюшки плела поварихам, чтобы было им в чем сумки возить в бригаду. Из дома тем, кто жил сутками в бригаде, собирали сумки. Молоко, картошку, кто что может. Приехали на бригаду повара, обрадовались. Заспорили: кому какая. Я говорю:

- У кого больше народу, тому больше пестерюшка.

- Спасибо, спасибо, тетя Ульяна! А то мы много сумок потеряли. А бутылок еще больше!

Гляжу, опять направляют плуги, запрягают лошадей. Снова пахать. Добавили план, будем сеять травы.

Прошла неделя. Сработали, что дали. Опять выходной, три дня гуляют. Я - опять за Василия. Набрала ниток, мотаю и коней караулю. Сама думаю: «Некуда колхозу пива девать. Устроили два выходных. Хлеба не было, а мед был. Весною рамки очистили, вот и пиво. А у нас дома своя пасека. Хорошо, когда мед есть, да я пчел боюсь - кусаются»

Прошла весна, настало лето. Мы с Васей на бригаде. Вера дома: траву косит, а мы выберем время, пойдем - смечем сено. Наставили стогов много, на зиму хватит.

Вот и осень подошла. Много мужиков пришло. А наш посыпал посылки. Пишет письма с каким-то укором: «Вы без меня избаловались, можете без меня жить, я от вас отвык, а вы от меня». Я думаю: «Может, не придет...»

Посыпает посылки, мы получим, разделим с его сестрами: Вася и Грише, Вере и Жене. Боялись его обидеть. Я себе ничего не

68

брала. Хотя бы ребятишкам. Коней не давали, за посылкой ходили пешком за 30 километров в Краснощеково. Все корят: «Вы получаете посылки, а наши погибли. За что!». «Ну что же, и мои братья все раненные. Немало крови пролили. Один в революцию пострадал: Врангель поранил, год болел, под наркозом помер. Герасима ранили. Немало я слез пролила. Четыре брата, по каждому плакала. Хотя б маленько порадоваться».

Задумала я Василия проводить в школу. Мне меньше будет забот, надоело по нему заботиться. Пошла до своих посоветовать. Они говорят: «Проводи. На него подали в суд за коня». С ним начинала конюшить Шкуркина Манька. Пошла коней глядеть. Видит: волки коня задрали и едят. Она сбежала. Ее искали три дня. Василия винили. Нашли в соседнем селе - Шипуново. Может и она виновата? Почему сбежала?

Я - домой. Василий дома. Рассказала ему все:

- Что же ты мне не сказал?! Сдавай коней, иди в школу!

Он отвечает:

- Надо сходить в школу, может не примут, три года не учился. Мама, сходи к директору, поговори. Что он скажет?

Я пошла. Был вечер, поздно. Я постучала. Вышла его жена, говорит, что муж спит. Я повернулась уходить, она говорит:

- Заходите, сейчас уборочная, Вам некогда.

Я зашла, директор выходит из комнаты.

- Извините, что брюки не одел.

- Извините Вы меня, что по ночам хожу. Пришла к Вам - послал сын: вздумал он учиться. Три года не учился. Теперь скоро в армию Охота семь классов кончить.

- Пущай коней сдает, приходит учиться.

Посоветовалась со своими детьми. Хлеба нам на трудодни не досталось. Пойду, попрошу сторожем в глубинку. Пошла, говорю:

- Милая сестрица, Прасковья Дмитриевна, прими меня на работу. Надоело жить без хлеба.

Она отвечает:

- Нянька, мне нужен сторож. Будешь получать по десять килограммов на иждивенца. У тебя три иждивенца - тридцать килограммов и деньгами, сколько положено. У меня были рабочие, мужья пришли - они бросили работу. Так и вы, Герасим придет - бросишь работу.

- Я не брошу.

Пошла сторожить. Вот раз стою возле амбаров, едут на бричке. Думаю: «Куда едут?» Время было позднее, вечернее. Подъехали. Зашумел Вася:

- Мама, меня повезли на суд.

С ним была Шкуркина Лиза. Я не помню, что сказала, Лиза засмеялась.

Эту ночь я едва отдежурила. Все думала: Как будут судить? Вдруг он что-нибудь грубое скажет - его посадят.

Приехал, заходит - такой веселый. Я говорю:

- Вася, тебе весело, а я чуть с ума не сошла, горевала.

- Ничего никому не присудили.

- Ну, теперь с колхозом закончил. Больше не будут по судам таскать. Я тоже из колхоза ушла. Завтра пойдем получать муку и деньги. Получили, настрыпали хлеба. Наелись мои дети. Они едят, а я радуюсь. Получили вести: Герасим скоро приедет. Наstryпала к приезду хлеба.

А СЧАСТЬЯ ВСЕ РАВНО НЕТ

Приехал. Я одна была дома. Ребята были в школе. Говорят:

- Почему же меня не ждали - ушли??

- Мы ждали, дорога плохая, кони тоже недужные.

Думали, что позже приедешь. Дети скоро придут.

Он говорит:

- Дорога встреча.

Видать, осердился.

Тут пошли все родные и соседи. У меня была водка, пиво. Тут он был доволен. Пришли ребята из школы, обрадовались. А он

- не очень. Начал похваляться, был женат, много говорил неприличных слов, а я - будто не слышу. Думаю: «Хотя бы детей постыдился».

Просидели всю ночь. Поговорили. На другой вечер пошли к нашим - Валеевым. На третью ночь я пошла на работу, сторожить амбар.

Прихожу утром. Ребята поднялись, кто за что. Вера - возле печки, Шура картошку достает себе и скотине. Вася сено дает скотине, управляет в пригоне. Управились, посадились за стол. Я говорю:

- Будите папу.

А Вася говорит:

- Пущай спит, он утром пришел...

Разошлись дети по своим делам. Поднялся хозяин. Я спрашиваю:

- Где ты был ночь?

- У Дуни, - ответил он.

Я пошла, спросила Дуню. Она ответила:

- Герасим был недолго. Пошел домой.

Так пошла наша жизнь. Ночь проходит, день проспит.

Начал говорить:

- Ты детей кормишь лучше, а меня нет.

Я говорю:

- Всех ровно кормлю. Дети за войну наголодались.

- Я жил на Украине с Валей. Она меня кормила особенно.

Подоит коров, пустит порошок на ведро молока. Закипит молоко, она снимает сверху - нам, а снизу - детям и бабушке...

На этом записки обрываются.